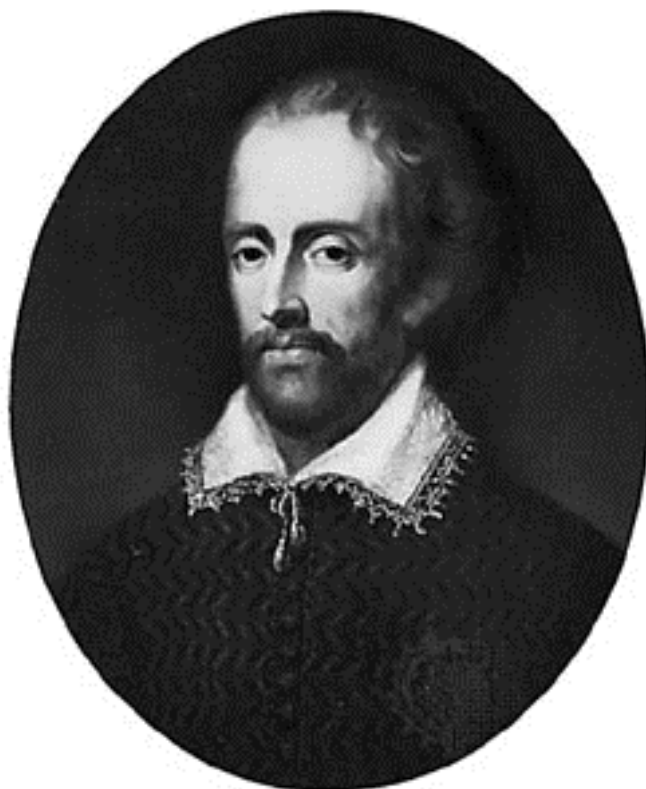

ЭДМУНД СПЕНСЕР
ЛЮБОВНЫЕ ПОСЛАНИЯ

*Перевод на русский язык,
вступительная статья и примечания – А. В. Покидов*

EDMUND SPENSER

AMORETTI

**Translated into Russian,
preface and notes by A. Pokidov**

Москва 2001

“СЕРЕБРЯНАЯ ТРУБА” АНГЛИЙСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Талантливейшему поэту английского Возрождения – Эдмунду Спенсеру (1552-1599 гг.) в каком-то смысле не повезло, ибо рядом постоянно находилась колоссальная фигура его более молодого (на 14 лет) современника – Вильяма Шекспира. Но отойдя от обоих на дистанцию в 400 лет, мы можем, не ослепляясь, так сказать, опасной близостью этих мастеров, воздать должное лирическому обаянию Эдмунда Спенсера. Впрочем, обаяние Спенсера английские читатели все же ощущали достаточно хорошо, несмотря на подавляющее влияние Шекспира. Произошло это потому, что они очень разные поэты. Э. Спенсер – чрезвычайно утонченный мастер, внесший в английскую лирику неслыханную дотоле музыкальность и пластику. Спенсера любили поэты самых несопоставимых творческих индивидуальностей и почерков, он был учителем и нравственным наставником многих поколений – от поэтов Возрождения до классиков, сентименталистов и романтиков. Более того, с течением времени это влияние усиливалось, и из стихийного и само собой разумеющегося превращалось в осознанное, сопровождаемое горячей признательностью и восторженным изумлением. Достаточно сказать, что первое из дошедших до нас стихотворений поэта-романтика начала XIX века Джона Китса называется “Подражание Спенсеру”, а в своем одическом пантеоне любимых поэтов Китс наряду с Д. Мильтоном, Т. Тассо и В. Шекспиром благоговейно упоминает “серебряную трубу” Спенсера.

Кто же был этот поэт и что он успел сделать за 47 лет своей жизни?

Происхождение поэта было более чем “скромным” – сын поденщика-портного. Начальное образование – в торгово-портновской школе, хотя и под руководством “блестящего воспитателя”. В возрасте 17 лет – первые опыты переводов из Маро и Дюбелле. В этом же возрасте Спенсер – студент со “стипендией” в Кембридже. Упорный труд по освоению классического стихотворного наследия. Выходец из низов общества ясно осознавал, что, только хорошенько выездив свою лошадь, можно брать призы... После успешного окончания Кембриджского университета – переезд в Лондон, служба в качестве секретаря у различных титулованных особ (почетное и перспективное занятие по тем временам), серия полезных знакомств в литературном мире. В конце концов (1580 г.) Спенсер оказывается в Ирландии; затем (1589 г.) – снова Лондон; через два года (1591 г.) – новый визит в Ирландию; далее (в 1594 г.) – счастливая женитьба, смена должностей, публикация новых поэтических работ и... в декабре 1598 года тяжелая простуда, от которой Спенсер не излечился. 13 января 1599 года его не стало.

Список крупных работ Спенсера открывает “Календарь пастуха” (1579 г.), включающий 12 эклог (по месяцам). Уже здесь воочию виден Спен-

сер-моралист. При всем том, что рассуждения поэта на темы религии, любви и поэзии, мягко выражаясь, не лишены наивности, поразительно разнообразие строфики и технических приемов, неистощимая лексическая изобретательность. Совершив скачок к завершающему периоду жизни Спенсера (1596 г.), мы найдем такие часто цитируемые опусы, как четыре гимна, в том числе вдохновенные “Гимн красоте” и “Гимн возвышенной красоте”, в которых платоновский идеализм сочетается с чисто ренессансной силой образов.

Между этими трудами – огромная эпическая поэма “Королева фей” (в шести книгах), опубликованная в 1590-1596 годах. В поэме изображается фантастический мир средневекового рыцарства, причем среди аллегорических образов поэмы – фигура английской королевы Елизаветы I в образе Глорианы и другие исторические персонажи (заметим попутно, что королева, прочитав поэму, назначила автору пенсию в 50 фунтов в год). Если чисто фабульная сторона поэмы может увлечь терпеливого читателя занимательностью художественного вымысла, то для истории литературы эта поэма имеет особое значение, ибо здесь мы находим уникальную по своим достоинствам поэтическую строфу, которая так и вошла в обиход под названием “спенсеровской строфы”. О том, насколько она выигрышна для целей эпикоромантического повествования с крупными пластами размышлений, свидетельствуют такие, например, факты: “спенсеровской строфой” написаны поэма Д. Китса “Канун Св. Агнессы” и байроновская поэма “Паломничество Чайльд-Гарольда”. Можно себе представить, с каким обостренным вниманием оба поэта штудировали поэму Спенсера.

Гениальное новаторство проявил Спенсер и в другом жанре поэзии – в сонетах. Цикл его сонетов “Amoretti” (“Любовные послания”) занимает видное место среди поэтических произведений, обессмертивших человеческую любовь.

Что нам доподлинно известно об этом цикле и тех обстоятельствах, в которых он был создан? Прежде всего, то, что цикл в его совокупности посвящен Элизабет Бойл (Elizabeth Boyle), девушке, за которой Спенсер ухаживал больше года и которая 11 июня 1594 г. стала женой поэта. В 1593 году Спенсер, живя на юге Ирландии, познакомился с девушкой редкостной красоты. О личности Э. Бойл мы, к сожалению, знаем очень мало. Известно, что она происходила из “хорошей семьи”, была родственницей сэра Ричарда Бойла, впоследствии ставшего первым графом Корка (Cork). Ее дом был в Килкоране, возле морского побережья Югала (Youghal) на юге Ирландии. Факты, связанные со знакомством Спенсера с Э. Бойл, нам неизвестны.

За месяцы ухаживания Спенсер создал 88 сонетов, объединенных им в цикл. Цикл является, по существу, психологической историей этого ухаживания. Название цикла итальянское, и одним уже этим Спенсер как бы подчеркивал свою духовную связь с великим Петраркой и его последователями.

Но Спенсер не стал применять, воспевая любимую женщину, петрарковский сонетный канон, как это делали другие. Он ввел свой канон, который получил название “спенсеровский”. Его особенности мы отметим ниже.

Следует, однако, отметить, что в цикл “Amoretti”, написанный в основном именно в период 1593-1594 годов, автором включены отдельные сонеты, созданные несколькими годами ранее и навеянные не Элизабет Бойл. Таких сонетов несколько, в частности – сонет 8, написанный по “шекспировскому” канону, и сонет 80, – оба, по-видимому, созданы в лондонский период жизни Спенсера (не позднее 1591 г.). Биографы Спенсера упоминают такие имена, как леди Керей (Carey) и Розалинда, а также предполагают еще более ранние сердечные привязанности, повлиявшие на состав цикла.

Но цикл, как он вышел из рук его творца, имеет столь разительную душевную цельность и этическое единство, что сам факт включения в цикл более ранних опусов должен восприниматься нами как желание Спенсера “суммировать” всю этическую историю своей жизни – в том всепоглощающем чувстве, которое он испытал в 1593-1594 гг. к своей будущей жене. С точки зрения психологии любви подобное “вплавление” былых привязанностей в привязанность решающую – вполне оправдано. Оно говорит о том, какое значение придавал Спенсер тому чувству, которое захватило его всецело и до конца. Сам поэт в своем “Good Morrow” раскрыл нам сущность этого “подчинения” старого чувства новому и вообще всего пережитого – переживаемому:

*“But this; all pleasures fancies be:
If any beauty I did see,
Which I desired and got, twas but a dream of thee”*

*“Только так; все наслаждения суть предвосхищения:
Если я видел какую-то красоту,
Которую желал и добивался, это было лишь мечтой о тебе”.*

“Amoretti” появились в печати в 1596 г., за три года до смерти поэта, вместе с другим циклом Спенсера – “Epithalamion” (“Свадебные песни”), в котором поэт с упоительной страстностью воспел свое бракосочетание с Элизабет Бойл, свою величайшую радость, полное торжество своей любви...

Чем привлекателен для нас цикл “Любовные послания” и в чем его лирическое обаяние, не потускневшее за те более 400 лет, которые прошли со времени его написания?

Читатель, по-видимому, сможет сам ответить на этот вопрос, вжившись в этот удивительный мир целомудрия, одухотворенности и искренности. Цикл по всем статьям удивителен. Удивителен непосредственностью эмоций, выливающих, однако, в законченные, безукоризненные формы. Удивителен прямо таки весенней свежестью голоса, независимо от конкретной тема-

тики и настроения сонетов. 88 сонетов цикла – это коленопреклоненный гимн Женщине, могучий силе ее красоты. Гимн этот “складывается” из самых разнообразных эмоций: от сосредоточенной грусти до патетического восторга, от задумчивой элегии до эмоционального экстаза, от подавленной мольбы до захватывающих по динамизму порывов. И поразительно: какие бы чувства ни выражал поэт, всюду мы обнаруживаем классическую ясность, прозрачную гармонию, стремление вывести из любой “душевной” ситуации некую ноту умиротворенности и веры во всепобедность человеческой страсти и красоты. Созерцание любимой и сами порывы к ней несут в себе ту чуткую просветленность, которая свойственна только истинной любви. Вот почему от сонетов Спенсера веет весенней свежестью – не только от тех, где поэт прямо воспеваает голоса весны и ее очистительное шествие, но практически всюду. Эта поистине волшебная сила спенсеровского лиризма чувствуется даже в самых минорных сонетах, где, казалось бы, нет ничего, кроме сумрачного элегизма и одинокой, безысходной боли. Продиктованные живым и неистребимым в своей внутренней цельности чувством, сонеты Спенсера волнующе прекрасны, ибо передают прекрасное волнение человека, всем своим существом убежденного в том, что его сердце не может отныне биться, не выстукивая ритмы любви, что его бытие сплетено с любовью, что эта любовь столь же велика, как велики красота и достоинства любимой. Такая любовь несет в себе и щедрое обещание счастья, и страстное ожидание его.

“Любовные послания” – это восхитительная друза кристаллов, выпавших в переполненном до краев сердце. Читая цикл, мы можем проследить всю “классическую” гамму любовных чувств и всю полноту ее очаровательных противоречий. Так, в одном сонете (5) поэт восстает на тех, кто бранит его любимую за гордость нрава, в другом сонете (27) призывает свою прекрасную возлюбленную не гордиться, ибо вся слава мира – это “нечистый мусор” (*dross unclean*), затем снова (61) воспеваает высокую гордость своей любимой; то поэт безумно восторгается красотой своей избранницы, растворяясь в ней и с ненасытной жадностью впитывая ее властные чары (3, 17, 25 и др.), то сетует, что природа подарила такую красоту женщине, столь жестокой сердцем (31); то заявляет, что свободному существу нельзя быть в цепях, будь они даже из золота (37), то клянется в своей готовности быть пожизненным рабом любимой (42). В конечном счете можно найти гармонию и единство в этом внешне противоречивом вихре эмоций и представлений, и предоставим читателю судить о том, какова истинная диалектика таких контрастов.

И еще есть одно качество у этих сонетов: тонкий, порой ускользающий от взора юмор, которого не было у Петрарки и у всех до Спенсера. Отдельные сонеты “подкрашены” явственным оттенком юмора, то горького, то открыто лукавого, то ласкового. И это многообразие оттенков (порой ускользающих

от поверхностного взгляда) создает особый чарующий эффект даже в тех ситуациях, где, казалось бы, юмором можно было бы “пренебречь”. И, пожалуй, именно в этих сонетах мы можем особенно ясно осознать и почувствовать душевное здоровье Спенсера, в чем-то роднящее английского поэта с нашим Пушкиным, лучистую озаренность и грацию его лиры. Английский поэт являет нам одно из замечательных свойств здорового человеческого духа – умение улыбнуться (даже порой сквозь слезы), посмотреть на себя со стороны, обыграть ситуацию в легком (но отнюдь не легчайшем!) стиле или внести в нее неожиданный иронический оттенок. Этим свойством Спенсер явно превосходит своего великого современника Шекспира.

Говоря о художественных достоинствах цикла в оригинале, нельзя не отметить, прежде всего, блистательное, виртуозное владение формой. Создатель своего канона, которым (за единственным исключением – сонет 8) написаны сонеты цикла, Спенсер извлекает из этого канона все его потенциальные возможности. Канон необычайно благозвучен по рифменной структуре (ababbcbccdcdee). Обратим внимание на то, что рифма “b” в первом четверостишии используется как первая рифма второго четверостишия, а рифма “c” аналогичным образом переходит в третий катрен. Создаются своего рода прочные акустические связки между всеми частями сонета. И лишь в начале и перед парной концовкой сонета впластовываются две парные рифмы “a-a” и “d-d”. Отдельные сонеты выдержаны как бы на едином дыхании и создают удивительный пластический эффект. Достаточно ознакомиться с сонетами 7, 11, 24, 30, 61, 84, чтобы ощутить внутренний эмоциональный динамизм и самой формы, и чувства, одухотворяющего поэта.

Объективно “Amoretti”, чистейшее “bel canto” любви, сохраняет немалую “педагогическую” силу. В этом цикле проявилась одновременно и возвышенность спенсеровской этики, ее “небесная” тембровка, и страстное стремление к земным, “осязаемым” ценностям. Красота для Спенсера – это феномен “божественного совершенства” и, одновременно, плотский субстант, потрясающая по своему воздействию реальность, которой он не устает восторгаться и которую коленопреклоненно воспекает как высшее произведение Природы (“Творца”).

Обобщая, можно сказать, что содержание цикла сводится к содержательности высокой любовной страсти, на алтарь которой человек несет все лучшее, что в нем заложено, и через которую утверждает себя как носителя животворнейшего и прекраснейшего из всех человеческих состояний.

Престиж такого самоутверждения не может померкнуть и не может быть заменен ничем, пока на земле существуют люди.

Александр Покидов

THE "SILVER TRUMPET" OF THE ENGLISH RENAISSANCE

The outstanding poet of the English Renaissance - Edmund Spenser (1552 - 1599) - was in a certain sense unlucky because constantly shining nearby was the colossal figure of his younger (by 14 years) contemporary - William Shakespeare. But having now the distance of 400 years separating us from both, we can, without dazzling ourselves by the dangerous proximity of these poets, do justice to the lyrical glamour of Edmund Spenser. However, the glamour of Spenser was fairly well felt by English readers, in spite of the overwhelming influence of Shakespeare. It could happen so due to a striking difference between them. Edmund Spenser is an exceptionally delicate and exquisite poet who has introduced the hitherto unheard-of melodiousness and plasticity into the English poetry. Poets of most incomparable creative individualities and manners loved Spenser, he was the teacher and moral tutor of many generations - from the poets of the Renaissance to the classics, sentimentalists and romanticists. Moreover, in the course of time this influence strengthened, from something spontaneous and self-understood turned into something conscientious accompanied by ardent gratitude and enthusiastic amazement. Suffice it to say that the first poetical work by the poet-romanticist of the XIX-th century John Keats was called "Imitation of Spenser", and in his eulogistic pantheon of favourite poets, side by side with D. Milton and T. Tasso, he reverently mentions "the silver trumpet" of Spenser.

Who was that poet and what has he done during the 47 years of his life?

The social origin of the poet was more than "modest" - he was the son of a paid-by-the-day tailor. He received the primary education at the trading tailor school, though under the guidance of a "brilliant tutor". At the age of 17 he made first attempts of translating Marot and Du Bellay. At the same age Spenser became a student "with a grant" at Cambridge University. The young man was stubborn in mastering the classical heritage in verse. Being from low strata of society by birth Spenser clearly understood that only having trained one's horse one may take prizes... On successful graduating from Cambridge, the poet went to London where he served as secretary of different titled persons (an honourable and promising occupation in those times); he also made a number of useful acquaintances in the literary world. Finally (in 1580), Spenser found himself in Ireland; then (1589) he returned to London; in 1591 - a new visit to Ireland; then (1594) - a happy marriage, new appointments and posts in succession, publication of new poetical works, and ... in December of 1598 Spenser caught a serious form of chill of which he failed to cure. On the 13th of January, 1599 he breathed his last.

The list of Spenser's major works is opened by the "Shepherd's Calendar" which includes 12 eclogues (by months). Already here Spenser is clearly seen as a moralist. While his reasonings on the subjects of religion, love and poetry are (to

put it mildly) not devoid of naiveté, we find a striking diversity of stanzas and technical methods, an inexhaustible lexical inventiveness. If we make a rapid leap to the final period of Spenser's life (1556), we will find such often quoted opuses as four hymns, including the inspired "Hymn in Honour of Beauty" and "Hymn of Heavenly Beauty" in which the platonic idealism is combined with a power of images typical of Renaissance.

Between these works we find the huge epic poem "The Faery Queene" (in six books), published in 1590-1596. The poem depicts the fantastic world of medieval knighthood, but among the allegorical images of the poem we see the figure of the English queen Elizabeth the First in the image of Gloriana, and other historical personages (let us note by the way that after reading the poem, the queen granted the author a pension of 50 pounds a year). While the story itself may entice and captivate a patient reader by the artistic intrigue, this poem has a special significance for the history of literature because here we find a stanza unique for its poetical merits and which has become known as the "spenserian stanza". The degree of its effectiveness when used for epico-romantic narration with sizable fragments of reflections may be illustrated by the following facts: John Keats wrote his poem "St. Agnes' Eve" with the "spenserian stanza", and Byron did the same in his poem "Childe Harold's Pilgrimage". It may only be imagined with what keen attention both poets were studying Spenser's poem.

A great innovation was introduced by Spenser also in another genre of poetry - in sonnets.

The cycle of sonnets "Amoretti" ("Love Messages") occupies a prominent place among the poetical works, which immortalized human love.

What do we know for certain about this cycle and the circumstances in which it was created?

First of all, the cycle in total was dedicated to Elizabeth Boyle – the girl whom Spenser had been courting for over a year and who became the poet's wife on the 11th June 1594. In 1593, while staying in Ireland, Spenser got acquainted with a girl of exceptional beauty. Unfortunately, we know but little about E. Boyle as a person. It is known that she descended from a "good family", that she was a relative of Sir Richard Boyle, who subsequently became the first earl of Cork. Her house was in Kilcoran, on the seashore of Yougal (in the south of Ireland). We possess no facts about the acquaintance of Spenser with E. Boyle.

During the months of courtship, Spenser created 88 sonnets, which were united into a cycle by the author himself. The cycle is, in essence, a psychological story of this courtship. The name of the cycle is Italian, and by this alone Spenser actually stressed his spiritual link with the great Petrarch and with his followers. But, while glorifying the beloved woman, Spenser did not make use of the "petrarchan" sonnet canon as others did it. He introduced his own canon, which later was

named "spenserian" (we will specify its features below).

It should be noted, however, that the cycle "Amoretti" written on the whole within the period of 1593-94, also includes some sonnets created several years before that period and inspired not by Elizabeth Boyle. There are several such sonnets, in particular sonnet № 8 written according to the "shakespearean" canon, and sonnet № 80, – both were created during the London period of Spenser's life (not later than 1591). Spenser's biographers mention such names as lady Garey and Rosalind, and also suppose some earlier infatuations, which influenced the composition of the cycle.

But the cycle as it came out of the hands of its creator possesses such a miraculous mental integrity and ethical unity that the very fact of inclusion into the cycle of some earlier opuses must be regarded as Spenser's desire to "sum up" the whole ethical story of his life in the all-absorbing feeling which he experienced in 1593-94 to his future wife. From the standpoint of love psychology, such "fusing" of former infatuations into the decisive one is quite justified. It tells us about what importance was attached by Spenser to the feeling, which captivated him wholly and completely. The poet himself, in his "Good Morrow", explained to us the essence of this "subjection" of an old feeling to a new one and, in general, the "subjection" of everything which has been lived through to what is being experienced:

*"But this; all pleased fancies be:
If any beauty I did see,
Which I desired and got, twas but a dream of thee".*

The cycle "Amoretti" was published in 1596, three years before the poet's death, together with another Spenser's cycle – "Epithalamion" ("Wedding Songs") in which the poet glorified with ravishing passion his marriage with Elizabeth Boyle, his greatest joy, the full triumph of his love...

In what lies for us the attractiveness of the "Love Messages" and to what is attributable their lyrical charm, which has not faded during the 400 years since the time of their creation?

The reader can probably answer this question himself after having dwelt within this marvellous realm of chastity, spirituality and candour. The cycle is wonderful in all respects. Wonderful for the ingenuousness of emotions which, however, are expressed in polished and immaculate forms. Wonderful for the really vernal freshness of the voice, irrespective of the particular subject and the "mood" of a sonnet.

The 88-sonnet cycle is a genuflectory hymn to Woman, to the enormous power of her beauty. This hymn is "formed up" of most diverse emotions: from concentrated sadness to pathetic delight, from pensive elegy to emotional ecstasy, from depressed entreaty to impulses which grip by their dynamism. And it is real-

ly amazing: no matter what feeling the poet expresses, everywhere we see the classical clarity, the subtle harmony, the poet's striving to evoke from any "mental" state a certain note of conciliation and faith in the all-conquering might of human passion and beauty. The contemplation of the beloved woman and the amorous impulses are imbued with that sensitive lucidity which is peculiar only to genuine love. That is why a really vernal freshness is wafted by Spenser's sonnets - not only by the sonnets in which the poet glorifies the voices of spring and its all-purifying march, but practically everywhere. This magic power of Spenser's lyricism is felt even in the most melancholic sonnets where there is seemingly nothing but gloomy notes of elegy and solitary mental anguish. Prompted by a buoyant feeling, ineradicable in its integrity, the sonnets of Spenser are thrillingly beautiful because they convey the beautiful thrill of a man who is fully convinced that his heart can no longer throb without tapping out the rhythms of love, that his whole being is interwoven with love, that this love is as great as the beauty and merits of the woman he adores. Such love implies both a generous promise of happiness, and a passionate expectation of it.

The cycle "Love Messages" is an admirable druse of crystals, which have taken shape in the full-to-the-brim heart. Reading the cycle we can trace all the "classical" gamut of amorous feelings, and the whole range of its charming contradictions. So, in one of the sonnets (5) the poet strongly opposes those who scolded his beloved woman for "her too portly pride", in another sonnet (27) he urges his sweetheart not to be proud "since all world's glory is but dross unclean", then again (61) he glorifies the lofty pride of his lady-love; now the poet goes into raptures before the beauty of his beloved maiden, penetrating into its charms and avidly absorbing them (3, 17, 25 etc.), now he laments that nature has given "gifts of beauty's grace" to a woman with "so hard a heart" (51); at one moment he declares that a free creature should not be in chains even if they are made of gold (37), at another moment he swears he is ready "her thrall for ever to remain" (42). In the long run, one may find harmony and unity in this contradictory vortex of emotions and ideas, but let the readers judge themselves what is the true dialectics of such contrasts.

And these sonnets have one more quality: subtle humour which sometimes escapes our glance and which neither Petrarch nor anyone before Spenser ever had. Some sonnets are "tinctured" with distinct nuances of humour – now bitter, now openly provoking, now tender and endearing. And this diversity of shades (sometimes unseen to superficial look) creates a particularly charming effect even in those situations where humour might be "neglected". And maybe precisely in these sonnets we may clearly feel the mental health of Spenser which makes the English poet similar to our Pushkin, the radiant light and the grace of his lyre. The English poet shows us one of the most remarkable traits of a healthy human spirit

– the ability to smile (sometimes even through tears), to take a look at oneself from without, to play up a situation in a light (but not in the lightest!) style or insert into it an unexpected ironical nuance. In this ability Spenser manifestly excels his great contemporary Shakespeare.

Speaking about the artistic merits of the cycle in the original, we must note, first of all, the brilliant and masterly command of the form. Being the creator of his own canon in which (with the only exception – № 8) the sonnets of the cycle are written, Spenser extracts from this canon all its potentialities. The canon is exceedingly harmonious by its rhyme structure (ababbcbccdcdee). Let us note that the rhyme "b" of the first quatrain is used as the first rhyme of the second quatrain, and the rhyme "c" is likewise used for the third quatrain. In this way, some sort of firm acoustic links between all the parts of the sonnet are created. And only at the beginning and before the final pair of the sonnet we see two separate rhymes "a-a" and "d-d". Certain sonnets are maintained as if on a single breath and create a miraculous plastic effect. It is enough to look through the sonnets 7, 11, 24, 50, 61, 84 in order to sense the internal emotional dynamism both of the form itself and of the feeling which inspires the poet.

Objectively, the cycle "Amoretti", the purest "bel canto" of love, preserves a considerable "pedagogical" worth. The cycle demonstrates both the loftiness of Spenserian ethics, its "heavenly" timbres, and at the same time a passionate striving for earthly, "tangible" values. For Spenser, beauty is a phenomenon of "divine perfection" and, simultaneously, a carnal reality which produces a staggering impact and which the poet constantly admires and glorifies as the brightest work of Nature ("Creator").

Summing up the above, we may say that the content of the cycle comes to the richness of content of a lofty love passion, to the altar of which a man brings everything best in him and through which he affirms himself as a bearer of the most vivifying and beautiful of all human feelings.

The prestige of such self-affirmation cannot fade and cannot be substituted by anything as long as human beings exist upon the Earth.

Alexander Pokidov

Sonnet 1

Happy ye leaves when as those lily hands
 Which hold my life in their dead doing might,
 Shall handle you and hold in love's soft bands,
 Like captives trembling at the Victor's sight.
 And happy lines, on which with starry light,
 Those laming eyes will deign sometimes to look
 And read the sorrows of my dying spright,
 Written with tears in heart's close bleeding book.
 And happy rhymes bath'd in the sacred brook
 Of Helicon whence she derived is,
 When ye behold that Angel's blessed look,
 My soul's long lacked food, my heaven's bliss.
*Leaves, lines, and rhymes seek her to please alone,
 Whom, if you please, I care for other none.*

Sonnet 2

Unquiet thought, whom at the first I bred
 Of th'inward bale of my love pined heart
 And sithens have with sighs and sorrows fed,
 Till greater than my womb thou woxen art,
 Break forth at length out of the inner part,
 In which thou lurkest like to viper's brood:
 And seek some succour both to ease my smart
 And also to sustain thyself with food.
 But if in presence of that fairest proud
 Thou chance to come, fall lowly at her feet:
 And with meek humbleness and afflicted mood,
 Pardon for thee, and grace for me entreat.
*Which if she grant, then live, and my love cherish,
 If not, die soon, and I with thee will perish.*

Сонет 1

Счастливы вы, заветные листки,
 Когда в тиши вечерней, у камина,
 Дрожите вы на лепестке руки,
 Как пленники при виде властелина.
 Блаженна ты, сердечных строк лавина,
 Ловя лучи звездоподобных глаз,
 Им говоря, что смертная кручина
 Меня терзала в одинокий час.
 И рифм алмазы, нет счастливей вас,
 Омытых на священном Геликоне, -
 Ведь ангел к вам наклонится не раз,
 Ища улады в вашем перезвоне.
*Понравьтесь ей, и если только ей,
 Любви я больше не хочу ничьей.*

Сонет 2

Тревожный дух, возвращенный мной вначале
 В томлениях безрадостной любви
 И вскормленный лишь вздохами печали, -
 Теперь темницу тесную прорви!
 Себя из сумрачных глубин яви,
 Где ты таишься, как змеиный род,
 Избавь меня от горечи в крови,
 Себя спаси от жажды и невзгод.
 А если с гордой случай вас сведет,
 Склонись пред ней смиренно до земли,
 Моли ее все ночи напролет,
 О милости ко мне ее моли.
*Мне с нею быть на жизненном пиру,
 А если нет - умри, и я умру.*

Sonnet 3

The sovereign beauty which I do admire,
 Witness the world how worthy to be prized:
 The light whereof hath kindled heavenly fire
 In my frail spirit by her from baseness raised.
 That being now with her huge brightness dazed,
 Base things I can no more endure to view:
 But looking still on her I stand amazed,
 At wondrous sight of so celestial hue.
 So when my tongue would speak her praises due,
 It stopped is with thoughts' astonishment:
 And when my pen would write her titles true,
 It ravish'd is with fancies' wonderment:
*Yet in my heart I then both speak and write
 The wonder that my wit cannot indite.*

Сонет 3

Свидетель мир: достойна похвалы
 Та красота, которой я пленен;
 Ее дыханьем царственным из мглы
 Мой хилый дух до неба вознесен.
 Теперь, когда я ею ослеплен,
 Все низменное взор не терпит мой,
 Но, стоя перед ней, я потрясен,
 Как набожный при вести неземной.
 Язык ли истомится похвалой,
 Немее он, глаголы истощив;
 Перо ль начнет гоняться за мечтой,
 Пред чудом никнет весь его порыв.
*Но в сердце я слова найду всему,
 Что не под силу выразить уму.*

Sonnet 4

New year forth looking out of Ianus gate,
 Doth seem to promise hope of new delight:
 And bidding th'old adieu, his passed date
 Bids all old thoughts to die in dumpish spright.
 And calling forth out of sad Winter's night,
 Fresh love, that long hath slept in cheerless bower,
 Wills him awake, and soon about him dight
 His wanton wings and darts of deadly power.
 For lusty spring now in his timely hour,
 Is ready to come forth him to receive:
 And warns the Earth with diverse coloured flower,
 To deck herself, and her fair mantle weave.
*Then you, fair flower, in whom fresh youth doth reign,
 Prepare yourself new love to entertain.*

Сонет 4

Ворота растворил двуликий Янус,
 И вот с улыбкой смотрит из ворот,
 Глуша былую думу и бодря нас,
 Надежды пестователь – Новый год.
 Любовь из ночи зимней он зовет:
 Проснись, оставь свой теремок постылый
 И устремись в ликующий полет,
 Паря подобно птице легкокрылой;
 Земле велит: исполнись новой силой,
 Рассыпь цветов живые огоньки,
 Сними покров дремотный и унылый,
 Из трав душистых мантию сотки.
*И ты, цветок мой, сердце приготовь
 Радушно встретить новую любовь.*

Sonnet 5

Rudely thou wrongest my dear heart's desire,
 In finding fault with her too portly pride:
 The thing which I do most in her admire,
 Is of the world unworthy most envied.
 For in those lofty looks is close implied
 Scorn of base things, and sdeigne of foul dishonour:
 Threatening rash eyes which gaze on her so wide
 That loosely they ne dare to look upon her.
 Such pride is praise; such portliness is honour,
 That boldned innocence bears in her eyes;
 And her fair countenance like a goodly banner
 Spreads in defiance of all enemies,
*Was never in this world ought worthy tried,
 Without some spark of such self-pleasing pride.*

Сонет 5

Поносишь грубо ты мою мечту,
 Браня любимую за гордость нрава;
 То, что я более всего в ней чту,
 Клеймит ничтожнейших повес орава.
 В такой повадке – рассуди-ка здраво -
 Презренье к грязи, к аду пошлых благ;
 И не посмеет дерзностно и браво
 На деву глянуть низменный простак.
 Такая гордость – благородства знак,
 В такой осанке честь её на страже.
 И лик прекрасный, словно алый стяг,
 Развернут вопреки угрозе вражьей.
*Всему на свете – битый грош цена,
 В чём искра гордости не зажжена.*

Sonnet 6

Be nought dismayed that her unmoved mind
 Doth still persist in her rebellious pride:
 Such love not like to lusts of baser kind,
 The harder won, the firmer will abide.
 The dureful Oak, whose sap is not yet dried,
 Is long ere it conceive the kindling fire:
 But when it once doth burn, it doth divide
 Great heat, and makes his flames to heaven aspire.
 So hard it is to kindle new desire,
 In gentle breast that shall endure for ever:
 Deep is the wound that dints the parts entire
 With chaste affects, that naught but death can sever.
*Then think not long in taking little pain
 To knit the knot, that ever shall remain.*

Сонет 6

О, не скорби, что холодно крута
 Она в мятежной гордости своей;
 Ее любовь – не низменным чета:
 Трудней добыть, зато стократ прочней.
 Могучий дуб под веером ветвей
 Часами может пламя отторгать,
 Но, если вспыхнет, зарево огней
 С небесной высью примется играть.
 Так трудно в нежном сердце выплавлять
 Любви святой незаблемую твердь,
 И глубока должна быть та печать,
 Которую сотрет одна лишь смерть.
*Так согласись принять частицу зла
 Сплетая нити вечного узла.*

Sonnet 9

Long-while I sought to what I might compare
 Those powerful eyes, which lighten my dark spright,
 Yet find I nought on earth to which I dare
 Resemble th' image of their goodly light.
 Not to the Sun: for they do shine by night;
 Nor to the Moon: for they are changed never;
 Nor to the stars: for they have purer sight;
 Nor to the fire: for they consume not ever;
 Nor to the lightning: for they still persevere;
 Nor to the diamond: for they are more tender;
 Nor to the crystal: for nought may them sever;
 Nor unto glass: such baseness mought offend her;
Then to the Maker self they likest be
Whose light doth lighten all that here we see.

Сонет 9

Чему же уподобить на земле
 Всесильный свет её живых очей,
 Так благостно сияющих во мгле
 Над гулкой пропастью души моей!
 Не солнцу – ночью нет его лучей;
 Не месяцу – его изменчив лик;
 Не звёздам – очи ярче и светлей;
 Не пламени – жесток его язык;
 Не молнии – она сверкает миг;
 Не хрусталу – он холодно блестит;
 Не бриллианту – бледен граней блик;
 И не стеклу – такое оскорбит.
Да, только свету самого Творца
Подобен свет любимого лица.

Sonnet 10

Unrighteous Lord of love, what law is this
 That me thou makest thus tormented be:
 The whiles she lordeth in licentious bliss
 Of her freewill, scorning both thee and me.
 See how the Tyranness doth joy to see
 The huge massacres which her eyes do make:
 And humbled hearts brings captives unto thee,
 That thou of them mayst mighty vengeance take.
 But her proud heart do thou a little shake
 And that high look with which she doth comptroll
 All this world's pride, bow to a baser make,
 And all her faults in thy black book enroll.
That I may laugh at her in equal sort,
As she doth laugh at me and makes my pain her sport.

Сонет 10

Суровый бог любви, скажи, к чему
 Ты душу мне терзаньем иссушил
 И дал её капризному уму
 Презреть тебя и мой бессонный пыл!?
 Смотри, как царственной тиранке мил
 Кровавый пир её жестоких глаз,
 Как в плен к тебе ведёт сердца без сил!
 Прошу смиренно – отомсти за нас,
 За гордый дух встряхни её хоть раз,
 Чтоб не могла с надменностью глядеть.
 А чтобы спесью злой не увлеклась,
 Ты в чёрном списке все грехи пометь.
За то, что боль моя – венец её утех,
На смех её пусть отзовется смех.

Sonnet 11

Daily when I do seek and sue for peace,
 And hostages do offer for my truth:
 The cruel warrior doth her self address
 To battle, and the weary war renew'th.
 Ne will be moved with reason or with rewth,
 To grant small respite to my restless toil
 But greedily her fell intent pursueth,
 Of my poor life to make unpitied spoil.
 Yet my poor life, all sorrows to assoyle
 I would her yield, her wrath to pacify:
 But then she seeks with torment and turmoil
 To force me live, and will not let me die.
*All pain hath end and every war hath peace,
 But mine no price nor prayer may surcease.*

Сонет 11

Когда я мира каждый день ищу
 И шлю заложников смиренных к ней,
 Воительница вновь берёт пращу,
 И снова бой – былого пострашней.
 Ни жалобой, ни пылкостью речей
 Мне мига передышки не достичь,
 Ведь хочется безумной поскорей
 Всю жизнь мою освежевать, как дичь.
 Но, слыша смерти благодатный клич,
 Без сил сдаюсь я, чтобы гнев смирить,
 Тогда она, вновь опуская бич,
 У смертной грани заставляет жить.
*Все боли, все свирепые бои
 Конец имеют – только не мои.*

Sonnet 12

One day I sought with her heart-thrilling eyes
 To make a truce, and terms to entertain:
 All fearless then of so false enemies,
 Which sought me to entrap in treason's train.
 So as I then desarmed did remain,
 A wicked ambush which lay hidden long
 In the close covert of her guileful eyen,
 Thence breaking forth did thick about me throng.
 Too feeble I t'abide the brunt so strong,
 Was forced to yield myself into their hands:
 Who me captiving straight with rigorous wrong,
 Have ever since me kept in cruel bands.
*So, Lady, now to you I do complain,
 Against your eyes that justice I may gain.*

Сонет 12

Однажды я у глаз её красивых
 Пытался перемирия просить,
 Не утрашась таких врагов фальшивых,
 Что лишь могли в ловушку заманить.
 Как мог я, безоружный, отразить
 Их вылазки из потайной засады?
 Как мог я натиск дивных глаз отбить,
 Меня ошеломлявших без пощады?
 Я был так слаб, а недруги так рады,
 Что без сопротивления сдался я,
 И с той поры, не зная дня отрады,
 В жестоких путах бьется жизнь моя.
*Но жалобу тебе несёт мой стих,
 Суди – я пострадал от глаз твоих.*

Sonnet 13

*In that proud port which her so goodly graceth,
 Whilst her fair face she rears up to the sky:
 And to the ground her eyelids low embaseth
 Most goodly temperature ye may descry,
 Mild humbleness mixt with awful majesty,
 For looking on the earth whence she was borne
 Her mind remembereth her mortality,
 What so is fairest shall to earth return,
 But that same lofty countenance seems to scorn
 Base thing, and think how she to heaven may climb:
 Treading down earth as lothsome and forlorn,
 That hinders heavenly thoughts with drossy slime,
 Yet lowly still vouchsafe to look on me,
 Such lowliness shall make you lofty be.*

Сонет 13

*В её осанке, взятой у цариц,
 Когда лицо её – сама надменность
 И спущена лишь бахрома ресниц,
 Пленяет двух начал соединенность:
 Величие и кроткая смиренность;
 Ведь землю-мать заметив у колен,
 Она свою припоминает бренность,
 Что красоту подстерегает тлен.
 Но тем лицом возвышенным презрен
 Весь низкий мир в его обличьи хилом,
 И поправа земля как душный плен,
 Который ей, небесной, не по силам.
 Все ж снизойди ко мне сияньем глаз,
 Чтоб, снисходя, сама ты вознеслась.*

Sonnet 14

*Return again, my forces, late dismay'd,
 Unto the siege by you abandon'd quite,
 Great shame it is to leave like one afraid,
 So fair a piece for one repulse so light
 Gainst such strong castles needeth greater might
 Than those small forts which ye were wont belay:
 Such haughty minds enur'd to hardy fight,
 Disdain to yield unto the first assay.
 Bring therefore all the forces that ye may
 And lay incessant battery to her heart,
 Plaints, prayers, vows, ruth, sorrow, and dismay,
 Those engines can the proudest love convert.
 And if those fail, fall down and die before her,
 So dying live, and living do adore her.*

Сонет 14

*Вернись, моя напуганная рать,
 Туда, где ты стояла до сих пор, –
 Великий стыд - панически бежать,
 Один лишь лёгкий получив отпор.
 Столь дивный замок не возьмешь в упор,
 Здесь и покрепче бы разбились лбы;
 Надменный ум, привыкший зреть раздор,
 Не сломится от первой же пальбы.
 Так собери все силы для борьбы,
 Без усталости в твердыню сердца бей,
 Да будут клятвы, ропот и мольбы
 Её спесивой гордости сильней.
 А если нет – у ног её умри
 И смертью гимн восторженный твори.*

Sonnet 15

Ye tradeful merchants that with weary toil
 Do seek most precious things to make your gain,
 And both the Indias of their treasures spoil,
 What needeth you to seek so far in vain?
 For lo my love doth in her self contain
 All the world's riches that may far be found.
 If sapphires, lo her eyes be sapphires plain,
 If rubies, lo her lips be rubies sound,
 If pearls, her teeth be pearls both pure and round,
 If ivory, her forehead ivory ween,
 If gold, her locks are finest gold on ground,
 If silver, her fair hands are silver sheen.
*But that which fairest is but, few behold,
 Her mind adorned with virtues manifold.*

Сонет 15

Что за нужда, купцы? И что за страсть,
 В погоне за добычей драгоценной,
 Обеих Индий достоянье красть
 И гнать фрегаты по стихии пенной?
 Все дивные сокровища вселенной
 В моей любимой – киньте беглый взгляд:
 В глазах её горит сапфир бесценный,
 Овалы губ рубинами горят,
 Меж ними – перлов безупречный ряд,
 Слоновой кости гладкость над бровями,
 И руки нежным серебром блестят,
 И золото рассыпалось кудрями.
*Но не сравнится красота сама
 С алмазом непорочного ума.*

Sonnet 16

One day as I unwarily did gaze
 On those fair eyes my love's immortal light.
 The whiles my stonished heart stood in amaze,
 Through sweet illusion of her look's delight,
 I mote perceive how in her glancing sight,
 Legions of loves with little wings did fly:
 Darting their deadly arrows' fury bright,
 At every rash beholder passing by.
 One of those archers closely I did spy,
 Aiming his arrow at my very heart:
 When suddenly, with twinkle of her eye,
 The Damsel broke his misintended dart.
*Had she not so done, sure I had been slain,
 Yet as it was, I hardly scap'd with pain.*

Сонет 16

В беспечный миг, беспечно созерцая
 Любимейшее из любимых лиц,
 Когда из глаз её, как отблеск рая,
 Струился свет божественных зарниц,
 Я видеть мог, как меж её ресниц
 Амурчиков крылатых рой летел,
 В любого, не склонившегося ниц,
 Пуская тучи смертоносных стрел.
 И одного я лучника узрел:
 Он прямо в сердце целился мое;
 Но выстрелить проказник не успел:
 Моргнув, она сломала острие.
*Спасибо ей: не сделай так она,
 Вся жизнь моя была бы сражена.*

Sonnet 17

The glorious portrait of that Angel's face
 Made to amaze weak men's confused skill:
 And this world's worthless glory to embase,
 What pen, what pencil can express her fill?
 For though he colours could devise at will,
 And eke his learned hand at pleasure guide,
 Least trembling it his workmanship should spill
 Yet many wondrous things there are beside.
 The sweet eye-glances that like arrows glide,
 The charming smiles, that rob sense from the heart:
 The lovely pleasance and the lofty pride,
 Cannot expressed be by any art.
*A greater craftsman's hand thereto doth need
 That can express the life of things indeed.*

Сонет 17

Лик Ангела, рожденный посрамлять
 Художника кичливую мечту
 И мира блеск грошовый принижать, -
 Какая кисть тебя отдаст холсту?
 Пусть ловят краски за чертой черту,
 Пусть изошрённа мастера рука,
 Незримо дрожь загубит красоту,
 И как чудес утрата велика!
 Зарницы глаз, блестящие слегка,
 Улыбку – сердца светлое окно,
 Живой восторг, дыхание цветка
 Не передаст искусство ни одно.
*Рука, быть может, гения нужна,
 Чтоб гений красоты предстал сполна.*

Sonnet 18

The rolling wheel that runneth often round,
 The hardest steel in tract of time doth tear;
 And drizzling drops that often do redound,
 The firmest flint doth in continuance wear.
 Yet cannot I, with many a dropping tear,
 And long entreaty, soften her hard heart:
 That she will once vouchsafe my plaint to hear,
 Or look with pity on my painful smart.
 But when I plead, she bids me play my part,
 And when I weep, she says tears are but water:
 And when I sigh, she says I know the art,
 And when I wail, she turns her self to laughter.
*So do I weep, and wail, and plead in vain,
 Whiles she as steel and flint doth still remain.*

Сонет 18

У колеса от бешеной езды
 Стальной – и тот сотрётся ободок,
 И капли ниспадающей воды
 Крепчайший камень издробят в песок.
 Увы, не может слёз моих поток,
 Стекающий на камень поневоле,
 Прогнать её сердечный холодок
 Иль вызвать жалость к нестерпимой боли;
 Молю – душа её как на приколе,
 Заплачу – слёзы, говорит, вода,
 Вздохну - твердит, что я искусен в роли,
 Исторгну стон – и слышу смех всегда.
*Так я молю и плачу перед ней,
 Она же - стали и скалы прочней.*

Sonnet 19

The merry cuckoo, messenger of spring,
 His trumpet shrill hath thrice already sounded,
 That warns all lovers wait upon their king,
 Who now is coming forth with garland crowned.
 With noise whereof the quire of birds resounded
 Their anthems sweet, devised of love's praise,
 And all the woods their echoes back rebounded,
 As if they knew the meaning of their lays:
 But mongst them all, which did Love's honour raise
 No word was heard of her that most it ought,
 But she his precept proudly disobeys,
 And doth his idle message set at nought;
*Therefore, o love, unless she turn to thee
 Ere cuckoo end, let her a rebel be.*

Сонет 19

Уже кукушка, вестница весны,
 Трикраты спела трубным голоском,
 Что ждать теперь влюбленные должны
 Царя любви, венчанного венком;
 И гимны птичьи льются нам о том,
 Что лишь любовью вся земля светла,
 И роща чистым шелестит листом,
 Как будто их напевы поняла.
 Но в хоре, где звенит любви хвала,
 Лишь та молчит, кому молчать грешно, –
 Ей все равно, что роща зацвела,
 И что поёт кукушка - всё равно.
*Но гордо-безучастную к любви
 Ты, светлый царь, мятежницей зови.*

Sonnet 20

In vain I seek and sue to her for grace
 And do mine humbled heart before her pour:
 The whiles her foot she in my neck doth place
 And tread my life down in the lowly flour.
 And yet the Lion that is Lord of power
 And reigneth over every beast in field
 In his most pride disdaineth to devour
 The silly lamb that to his might doth yield.
 But she more cruel and more savage wild,
 Than either Lion or the Lioness:
 Shames not to be with guiltless blood defiled,
 And taketh glory in her cruelty.
*Fairer than fairest, let none ever say
 That ye were blooded in a yielded prey.*

Сонет 20

Увы, напрасно я гонюсь за нею
 И кротко ей всё сердце отдаю,
 Свою стопу поставив мне на шею,
 Она во прахе топчет жизнь мою.
 Ведь даже лев, король всему зверью,
 Кому покорны и газель, и птица,
 Не смея гордость запятнать свою,
 Задрать смиренного агнца стыдится.
 Но кровожадней, чем и лев, и львица,
 Она без содроганья и стыда
 Крови невинной жаждет лишь напиться
 И лишь своей жестокостью горда.
*Прелестница, да не пойдёт молва
 Что ты свирепостью затмила льва.*

Sonnet 21

Was it the work of Nature or of Art,
 Which tempered so the feature of her face,
 That pride and meekness, mixt by equal part,
 Do both appear t'adorn her beauty's grace?
 For with mild pleasance, which doth pride displace,
 She to her love doth lookers' eyes allure,
 And with stern countenance back, again doth chase
 Their looser looks, that stir up lusts impure.
 With such strange terms her eyes she doth inure,
 That with one look she doth my life dismay,
 And with another doth it straight recure:
 Her smile me draws, her frown me drives away.
*Thus doth she train and teach me with her looks,
 Such art of eyes I never read in books.*

Sonnet 22

The holy season fit to fast and pray,
 Men of devotion ought to be inclined:
 Therefore, I likewise on the holy day
 For my sweet Saint some service fit will find.
 Her temple fair is built within my mind,
 In which her glorious image placed is,
 On which my thoughts do day and night attend
 Like sacred priests that never think amiss.
 There I to her as th'author of my bliss
 Will build an altar to appease her ire:
 And on the same my heart will sacrifice
 Burning in flames of pure and chaste desire:
*The which vouchsafe, o Goddess, to accept
 Amongst thy dearest relics to be kept.*

Сонет 21

Природы ли, искусства ли вторженье
 Так изошрило все твои черты,
 Что кротости и гордости сплетенье
 В канве твоей лукавой красоты.
 Когда очами ты даришь цветы,
 Тогда к одной любви манишь цветами,
 Но через миг сурово гонишь ты
 Смотрящего с нечистыми страстями.
 Околдовав искусными глазами,
 Ты хмурым взором порождает ад,
 А нежным взором зажигаешь пламя,
 Одним спугнув, другим зовёшь назад.
*Так и учусь, на милый глядя лик,
 Искусство глаз не вычитав из книг.*

Сонет 22

Шеперь, в пору молебствий и поста,
 Люд набожный стремится к небесам;
 Так помолюсь – иначе, без креста -
 Моей богине милой и я сам.
 Душа моя – её заветный храм,
 Где образ райский в нимбе золотом,
 Где, как жрецы, и днём, и по ночам,
 Ведут беседу мысли с божеством.
 Блаженства полный, перед алтарем
 Ее разящий гнев я замолю,
 И там же сердце жертвенным огнем
 Желаний непорочных опалю.
*Храни, богиня, пепел мой и стих
 Среди реликвий самых дорогих.*

Sonnet 23

Penelope for her Ulysses' sake
 Devised a web her wooers to deceive:
 In which the work that she all day did make
 The same at night she did again unweave.
 Such subtle craft my Damsel doth conceive
 Th'importune suit of my desire to shonne:
 For all that I in many days do weave
 In one short hour I find by her undone.
 So when I think to end that I begonne,
 I must begin and never bring to end:
 For with one look she spills that long I sponne
 And with one word my whole year's work doth rend.
*Such labour like the Spider's web I find,
 Whose fruitless work is broken with least wind.*

Сонет 23

Чтоб обмануть постылых женихов,
 Решила ткать невеста Одиссея,
 Но весь итог дневных своих трудов
 Ночами расплетала, не жалея.
 У милой – та же хитрая затея,
 Чтоб обезвредить мой докучный пыл;
 Что ни свершу за сутки в мае я,
 Чрез час расплетено, и я - без сил;
 И то, что близким к завершенью мнил,
 С тяжелым сердцем начинаю снова,
 А взор крушит все то, что я добыл,
 Усилье года рушится от слова.
*Такую же тщету трудов и мук
 При ветре знает разве что паук.*

Sonnet 24

When I behold that beauty's wonderment,
 And rare perfection of each goodly part:
 Of nature's skill the only complement,
 I honour and admire the maker's art.
 But when I feel the bitter baleful smart,
 Which her fair eyes unwares do work in me:
 That death out of their shiny beams do dart,
 I think that I a new Pandora see;
 Whom all the Gods in counsel did agree
 Into this sinful world from heaven to send:
 That she to wicked men a scourge should be
 For all their faults with which they did offend.
*But since ye are my scourge I will entreat
 That for my faults ye will me gently beat.*

Сонет 24

Когда твою я вижу красоту,
 Гармонии редчайший идеал,
 Я их, как чудеса природы, чту,
 Хваля Творца, который их создал.
 Когда же пью я горечи бокал,
 Когда стрела, сверкнувшая во взоре,
 Пронзив меня, сражает наповал, -
 Тогда я мыслю о второй Пандоре,
 Которая, всем грешникам на горе,
 В порочный мир с благих небес сошла,
 Чтобы живущих с благостью в раздоре
 Карать, как бич, за темные дела.
*Но если бич ты для дурных людей,
 Ты за грехи меня не больно бей.*

Sonnet 25

How long shall this like dying life endure
 And know no end of her own misery:
 But waste and wear away in terms unsure,
 Twixt fear and hope depending doubtfully.
 Yet better were attonce to let me die,
 And show the last example of your pride:
 Than to torment me thus with cruelty,
 To prove your power, which I too well have tried.
 But yet if in your hardened breast ye hide
 A close intent at last to show me grace:
 Then all the woes and wrecks which I abide
 As means of bliss I gladly will embrace.
*And wish that more and greater they might be,
 That greater meed at last may turn to me.*

Сонет 25

*Т*ак сколько же в потоке тяжких дней
 Мне холод смерти заживо терпеть
 И расплестать, моля любви твоей,
 Надежд и страхов путаную сеть!
 О, лучше разреши мне умереть,
 Яви всевластья скорбный образец
 Чем так жестоко истязать и впредь,
 Замкнувшись в горделивый свой дворец.
 Но если ты решила наконец
 Послать награду сердцу моему,
 О, я тогда терновый свой венец
 Как обещанье счастья восприму.
*Тогда большее мучай и пытай -
 Тем слаще будет долгожданный рай.*

Sonnet 26

Sweet is the rose, but grows upon the brere;
 Sweet is the juniper, but sharp his bough;
 Sweet is the eglantine, but pricketh near;
 Sweet is the firtbloom, but his branches rough;
 Sweet is the cypress, but his rind is tough;
 Sweet is the nut, but bitter is his pill;
 Sweet is the broom-flower, but yet sour enough;
 And sweet is moly, but his root is ill:
 So every sweet with sour is tempered still,
 That maketh it be coveted the more;
 For easy things, that may be got at will,
 Most sorts of men do set but little store.
*Why then should I account of little pain,
 That endless pleasure shall unto me gain?*

Сонет 26

*П*рекрасна роза, но цветёт в шипах,
 Прекрасна орхидея, но пьянит;
 Прекрасна ель, но иглы на ветвях;
 Прекрасен кипарис, но мрачен вид;
 Прекрасен эдельвейс, но кручей скрыт;
 Прекрасен мак, но в нём дурманы сна;
 Миндаль прекрасен, но на вкус горчит;
 И, пусть красива, - с ядом бузина.
 Так сладость с горечью обручена
 И тем страстнее нас к себе влечет, -
 Ведь у людей невелика цена
 Всеми тому, что в руки им плывет.
*Так что же мне тоски унылый блик,
 Когда под ним блаженства бьёт родник!*

Sonnet 27

*Fair proud, now tell me why should fair be proud
 Sith all world's glory is but dross unclean
 And in the shade of death itself shall shroud,
 However now thereof ye little ween.
 That goodly Idol now so gay be seen,
 Shall doff her flesh's borrowed fair attire
 And be forgot as it had never been
 That many now much worship and admire.
 Ne any then shall after it inquire,
 Ne any mention shall thereof remain,
 But what this verse, that never shall expire,
 Shall to you purchase with her thankless pain.
 Fair, be no longer proud of what shall perish,
 But that which shall you make immortal, cherish.*

Сонет 27

*К чему, прекрасная, тебе гордиться?
 Мирская слава – грязь и ерунда,
 И всё на свете – талая водица,
 Пусть этим думам ты пока чужда.
 Твой Образ, искромётный, как звезда,
 Отринет дивной плоти облаченье,
 Забудется, как если б никогда
 За ним не шли восторг и восхищенье.
 А чары? Для иного поколенья
 Ни грана не останется от них, –
 Лишь то одно, что сбережет от тленья
 Вот этот мой неизгладимый стих.
 Тем не гордись, в чём смерть затаена,
 Лишь то лелей, чем будешь ты вечна.*

Sonnet 28

*The laurel leaf, which you this day do wear,
 Gives me great hope of your relenting mind:
 For since it is the badge which I do bear,
 Ye, bearing it, do seem to me inclined:
 The power thereof, which oft in me I find,
 Let it likewise your gentle breast inspire
 With sweet infusion, and put you in mind
 Of that proud maid whom now those leaves attire:
 Proud *Daphne* scorning Phoebus' loving fire,
 On the Thessalian shore from him did fly:
 For which the Gods in their revengeful ire
 Did her transform into a laurel tree.
 Then fly no more, fair love, from Phoebus' chase,
 But in your breast his leaf and love embrace.*

Сонет 28

*Листочек лавра на фестоне платья
 Твое смягченье мне сулит, пьяня, –
 Ведь если тот же символ смел избрать я,
 То с ним как будто любишь ты меня.
 Да льёт он в грудь тебе каскад огня,
 Как в сердце мне гармонию напева,
 И да напомнит, как, любовь кляня,
 От страстного, пылающего Феба
 Умчалась Дафна, недотрога дева,
 В Фессалию, где плещется волна,
 За что богами, буйными от гнева,
 В лавровый куст была превращена.
 Так не лети от фебовых погонь,
 В груди лелей святой его огонь.*

Sonnet 29

See how the stubborn damsel doth deprave
 My simple meaning with disdainful scorn:
 And by the bay which I unto her gave
 Accumps myself her captive quite forlorn.
 The bay (quoth she) is of the victors borne,
 Yielded them by the vanquished as their meeds,
 And they therewith do poets' heads adorn,
 To sing the glory of their famous deeds.
 But sith she will the conquest challenge needs,
 Let her accept me as her faithful thrall,
 That her great triumph which my skill exceeds,
 I may in trump of fame blaze over all.
*Then would I deck her head with glorious bays,
 And fill the world with her victorious praise.*

Сонет 29

Смотрите, как упрямица порочит
 Невиннейшую из моих затей,
 И в лавре, ей преподнесённом, хочет
 Увидеть знак пленённости моей.
 Мол, лавр – для победителей трофеей
 И чьей-то побеждённости примета,
 А чтобы слава сделалась прочней,
 Им украшают голову поэта.
 Но если ей мила покорность эта,
 Пусть чтит меня за верного раба, –
 Я побеждён – но будь она воспета,
 И пусть звенит победная труба.
*Отпраздную и лавром, и хвалою
 Её триумф великий надо мной.*

Sonnet 30

My love is like to ice, and I to fire:
 How comes it then that this her cold so great
 Is not dissolv'd through my so hot desire,
 But harder grows the more I her entreat?
 Or how comes it that my exceeding heat
 Is not delayed by her heart-frozen cold,
 But that I burn much more in boiling sweat,
 And feel my flames augmented manifold?
 What more miraculous thing may be told,
 That fire, which all things melts, should harden ice,
 And ice, which is congeal'd with senseless cold,
 Should kindle fire by wonderful device?
*Such is the power of love in gentle mind,
 That it can alter all the course of kind.*

Сонет 30

Я как огонь, любимая – как лёд.
 Так почему же лёд холодный в ней
 Под жаром страсти влагой не течёт,
 А лишь твердеет от мольбы моей!
 И почему огонь, как чародей,
 Суровой стуже той не уступив,
 Лишь разгорается стократ сильнее
 И порождает пламенной порыв!
 И разве то не дивное из див,
 Когда огонь бессилен предо льдом,
 А лёд, бездушный холод воплотив,
 Творит огонь каким-то волшебством!
*Любовь настолько властна и сильна,
 Что все способна изменить она.*

Sonnet 31

*Ah! why hath nature to so hard a heart
 Given so goodly gifts of beauty's grace,
 Whose pride depraves each other better part
 And all those precious ornaments deface?
 Sith to all other beasts of bloody race,
 A dreadful countenance she given hath
 That with their terror all the rest may chase,
 And warn to shun the danger of their wrath.
 But my proud one doth work the greater scath,
 Through sweet allurement of her lovely hue:
 That she the better may in bloody bath
 Of such poor thralls her cruel hands embrew.
*But did she know how ill these two accord,
 Such cruelty she would have soon abhorr'd.**

Сонет 31

*Ах, для чего природа подарила
 Таковую красоту служанке зла!
 Гордыня в ней все чары извратила
 И прелесть на закланье обрекла.
 Ведь ты, природа, хищникам дала
 Ужасный вид, безжалостные пасти,
 Чтоб тварь любая убежать могла,
 Пока её не разорвут на части.
 А от гордячки – пострашней напасти:
 В приманку обратила чудо-стать,
 Чтобы удобней, тешась силой власти,
 В крови невинной руки обагрять.
*Когда б ей знать, как в этом связи мало,
 Она б свою жестокость презирала.**

Sonnet 32

*The painful smith with force of fervent heat
 The hardest iron soon doth mollify:
 That with his heavy sledge he can it beat,
 And fashion to what he it list apply.
 Yet cannot all these flames in which I fry,
 Her heart more hard than iron soft awhit;
 Ne all the plaints and prayers with which I
 Do beat on th'anduytle of her stubborn wit,
 But still the more she fervent sees my fit
 The more she freezeth in her wilful pride:
 And harder grows the harder she is smit,
 With all the plaints which to her be applied.
*What then remains but I to ashes burn,
 And she to stones at length all frozen turn?**

Сонет 32

*Кузнец рукой натруженной своей
 В огне железо твёрдое мягчит,
 Чтобы тяжёлым молотом скорей
 Придать ему любой угодный вид;
 Но тот костёр, где весь мой дух горит,
 Не плавит сталь, и с ним не режеть тьма,
 И немощно мольба моя звенит
 На наковальне гордого ума;
 Чем жарче я, тем злей её зима,
 И чем я крепче в лёд студёный бью,
 Тем крепче кажется она сама,
 Дыша морозом на мольбу мою.
*Что ж остаётся? Ясного ясней:
 Мне – пеплом стать и мерзлым камней – ей.**

Sonnet 33

Great wrong I do, I can it not deny,
 To that most sacred Empress my dear dread,
 Not finishing her Queen of faery,
 That mote enlarge her living praises dead.
 But lodwick, this of grace to me ahead:
 Do you not think th'accomplishment of it,
 Sufficient work for one man's simple head,
 All were it as the rest but rudely writ.
 How then should I without another wit,
 Think ever to endure so tedious toil,
 Since that this one is toss'd with troublous fit
 Of a proud love, that doth my spirit spoil.
*Cease then, till she vouchsafe to grant me rest,
 Or lend you me another living breast.*

Сонет 33

Великая вина в душе моей
 Пред королевою моей священной,
 Что я не кончил “Королеву Фей”,
 Хвалу ей не воздал при жизни бренной.
 Но в силах ли я лирою смиренной
 Закончить труд объёмистый такой,
 Когда я головой обыкновенной
 Владею – и одною головой;
 И как могу я, без ещё одной,
 Труд довести до вожделенной цели,
 Когда от страсти к деве ледяной
 Моя одна – как в адской карусели!
*Пусть даст любимая мне отдохнуть
 Иль даст ещё одну живую грудь.*

Sonnet 34

Like to a ship, that through the ocean wide
 By conduct of some star doth make her way,
 Whenas a storm hath dimm'd her trusty guide,
 Out of her course doth wander far astray;
 So I, whose star, that wont with her bright ray
 Me to direct, with clouds is overcast,
 Do wander now in darkness and dismay,
 Through hidden perils round about me plast.
 Yet hope I well, that when this storm is past,
 My *Helice*, the lodestar of my life,
 Will shine again, and look on me at last,
 With lovely light to clear my cloudy grief.
*Till then I wander careful comfortless,
 In secret sorrow and sad pensiveness.*

Сонет 34

Как всем стихиям отданный фрегат
 Сквозь сизый мрак и хмурых волн вражду
 Плывет без путеводной наугад
 И курс теряет в водяном аду, -
 Так я свою заветную звезду
 Не находя за ризой штормовой,
 В бездонной тьме отчаянно бреду,
 Где всё неведомой грозит бедой.
 Но верю я – утихнет шторма вой,
 Гелика верная судьбы моей
 Вновь засияет нежно надо мной,
 Сгоняя сумрак и туман скорбей.
*До той поры – брожу в тумане я,
 Унылые раздумия тая.*

Sonnet 35

My hungry eyes through greedy covetize
 Still to behold the object of their pain,
 With no contentment can themselves suffice
 But having pine and having not complain.
 For lacking it they cannot life sustain,
 And having it they gaze on it the more:
 In their amazement like *Narcissus* vain
 Whose eyes him starved: so plenty makes me poor.
 Yet are mine eyes so filled with the store
 Of that fair sight, that nothing else they brook,
 But lothe the things which they did like before,
 And can no more endure on them to look.
*All this world's glory seemeth vain to me,
 And all their shows but shadows, saving she.*

Сонет 35

Глаза мои, в голодном вожделенье
 Всегда гоняясь лишь за ней одной,
 Не знают ни секунды насыщенья,
 До боли жаждут слиться с красотой.
 Ведь без неё им жизнь – мираж пустой,
 А перед ней они в горниле пыток;
 И, как Нарцисс, снедаемый тоской,
 Я вечно нищ, имея преизбыток.
 Но так я пью её красот напиток,
 Что безучастен к прелестям иным, -
 Фальшив и тускл их прежде яркий слиток,
 И мне теперь их вид невыносим.
*Все в этом мире меркнет перед ней,
 И блеск его – одна игра теней.*

Sonnet 36

Tell me when shall these weary woes have end,
 Or shall their ruthless torment never cease:
 But all my days in pining languor spend,
 Without hope of aswagement or release.
 Is there no means for me to purchase peace
 Or make agreement with her thrilling eyes:
 But that their cruelty doth still increase
 And daily more augment my miseries.
 But when ye have shewed all extremities,
 Then think how little glory ye have gained:
 By slaying him, whose life though ye despise,
 Mote have your life in honour long maintained.
*But by 'his death which some perhaps will moan,
 Ye shall condemned be of many a one.*

Сонет 36

Скажи, где этой горести предел?
 Иль никогда не кончится мученье
 И дни влачить в унынье – мой удел,
 И нет надежды мне на избавленье?
 Чем мир купить? Как вырвать соглашенье
 С глазами – злыми феями невзгод?
 Ведь их жестокости усугубленье
 Одних терзаний умножает счёт.
 Но если зло до крайности дойдёт,
 Тогда поймешь, как обрела ты мало,
 Убив ту душу, что тебе почёт
 У ревностных потомков добывала.
*За эту смерть, когда придёт она,
 Ты будешь многими осуждена.*

Sonnet 37

What guile is this, that those her golden tresses,
 She doth attire under a net of gold:
 And with sly skill so cunningly them dresses
 That which is gold or hair, may scarce be told?
 Is it that men's frail eyes, which gaze too bold,
 She may entangle in that golden snare:
 And being caught may craftily enfold
 Their weaker hearts, which are not well aware?
 Take heed therefore, mine eyes, how ye do stare
 Henceforth too rashly on that guileful net,
 In which if ever ye entrapped are,
 Out of her bands ye by no means shall get.
*Fondness it were for any being free,
 To covet fetters, though they golden be.*

Сонет 37

Ну не коварство? – в золотую сеть
 Облечь червонных локонов извивы
 И так хитро их заплести суметь,
 Что их принять за золото б могли вы!
 Не для того ли, чтобы взор игривый
 Запутался в ловушке золотой,
 И карой стал за дерзкие порывы
 Сердечный плен у девы молодой?
 Так дайте же, глаза, зарок простой:
 Обманчивой остерегаться сети, –
 В нее попав, познаетесь с бедой,
 Забудете о воле и о свете.
*Ведь безрассудство для живых людей
 Искать – хотя б и золотых – цепей.*

Sonnet 38

Arion, when through tempests' cruel wrack,
 He forth was thrown into the greedy seas:
 Through the sweet music which his harp did make
 Allured a Dolphin him from death to ease.
 But my rude music, which was wont to please
 Some dainty ears, cannot with any skill
 The dreadful tempest of her wrath appease,
 Nor move the Dolphin from her stubborn will.
 But in her pride she doth persever still,
 All careless how my life for her decays:
 Yet with one word she can it save or spill,
 To spill were pity, but to save were praise,
*Choose rather to be praised for doing good,
 Than to be blam'd for spilling guiltless blood.*

Сонет 38

Когда в морскую жадную пучину,
 Спев, бросился волшебник Арион,
 Лишь зачарованному был дельфину
 Своим спасением обязан он.
 Моей же лиры грубоватый тон
 Бессилен был, бессилен и поныне,
 И, гневных волн валами окружен,
 Напрасно я мечтаю о дельфине.
 Она в своей упорствует гордыне,
 И воли злобной прихотей не счесть,
 Зачем же ты как рок в моей судьбине?
 Убить – позор, спасти – добро и честь.
*Так чти хвалу за добрые дела,
 А не гордись, что кровь ты пролила.*

Sonnet 39

Sweet smile, the daughter of the Queen of love,
 Expressing all thy mother's powerful art:
 With which she wouls to temper angry Jove
 When all the gods he threats with thundering dart.
 Sweet is thy virtue as thy self sweet art,
 For when on me thou shinest late in sadness,
 A melting pleasance ran through every part,
 And me revived with heart-robbing gladness.
 Whylest rapt with joy resembling heavenly madness,
 My soul was ravish'd quite as in a trance:
 And feeling thence no more her sorrows' sadness,
 Fed on the fullness of that cheerful glance,
More sweet than Nectar or Ambrosial meat,
Seem'd every bit, which thenceforth I did eat.

Сонет 39

Тебе, улыбка, Афродита мать
 Дала любви сердечной ароматы,
 Что могут Громовержца усмирять,
 Когда богам грозят его раскаты.
 И сладок свет твой, как сама сладка ты,
 Ведь, озаряя всю печаль мою,
 В душе не оставляла уголка ты,
 Где я бы зорьку не вдыхал твою.
 Как херувима в голубом раю,
 Меня пьянила светлая отрада,
 Когда в восторге я впивал струю
 Из полной чаши ласкового взгляда.
Был слаще мне, чем божествам нектар,
Твоей улыбки животворный дар.

Sonnet 40

Mark when she smiles with amiable cheer,
 And tell me whereto can I liken it:
 When on each eyelid sweetly do appear
 An hundred Graces as in shade to sit.
 Likest it seemeth in my simple wit
 Unto the fair sunshine in summer's day:
 That, when a dreadful storm away is flit,
 Through the broad world doth spread his goodly ray:
 At sight thereof each bird that sits on spray,
 And every beast that to his den was fled,
 Comes forth afresh out of their late dismay,
 And to the light lift up their drooping head.
So my storm-beaten heart likewise is cheer'd,
With that sunshine when cloudy looks are clear'd.

Сонет 40

Лови момент – и с волшебством природы
 Её улыбку добрую сравни,
 Когда сто Граций водят хороводы
 В её ресниц мерцающей тени.
 Порою летнею бывают дни -
 Нас оглушают небеса громами;
 Но вот, улыбке девичьей сродни,
 Всю землю солнце озарит лучами, –
 И птица каждая взмахнет крылами,
 И каждый зверь, укрывшийся в норе,
 Выходит снова бодрими шагами
 И радуется благостной поре.
Вот так и сердце после гроз и бурь
Встречает глаз небесную лазурь.

Sonnet 41

Is it her nature or is it her will
 To be so cruel to an humbled foe?
 If nature, then she may it mend with skill,
 If will, then she at will may will forgo.
 But if her nature and her will be so,
 That she will plague the man that loves her most,
 And take delight t'increase a wretch's woe,
 Then all her nature's goodly gifts are lost.
 And that same glorious beauty's idle boast
 Is but a bait such wretches to beguile:
 As being long in her love's tempest tossed,
 She means at last to make her piteous spoyle.
*o fairest fair, let never it be named,
 That so fair beauty was so foully shamed.*

Сонет 41

Природа или воля в ней жестока?
 Природа если – мастерством она
 Себя избавить может от порока,
 А волю – воля победить вольна.
 Но если у обеих цель одна:
 Чтоб зрелищем моих сердечных бед
 Доволен был лукавый сатана,
 То все дары природы – лишь во вред;
 Ведь красоты благословенный свет
 В приманку обращать – её обычай:
 Игрушка бурь любовных много лет,
 Бедняга станет жалкою добычей.
*О дивная, да не пожнёшь укор,
 Что красоте такой – такой позор.*

Sonnet 42

The love which me so cruelly tormenteth,
 So pleasing is in my extremest pain:
 That all the more my sorrow it augmenteth,
 The more I love and do embrace my bane.
 Ne do I wish (for wishing were but vain)
 To be acquit from my continual smart:
 But joy her thrall for ever to remain,
 And yield for pledge my poor captived heart;
 The which that it from her may never start,
 Let her, if please her, bind with adamant chain:
 And from all wandering loves which mote pervart,
 His safe assurance strongly it restrain.
*Only let her abstain from cruelty,
 And do me not before my time to die.*

Сонет 42

Любовь, меня измаявшая в прах,
 И в пытке сущей для меня свята, –
 Чем больше горечи в моих слезах,
 Тем мне любви милее маета.
 И не хочу (в желанье – суета)
 Мечтать о воле у любимых ног,
 Но рад рабом твоим быть лет до ста
 И сердце бедное сдаю в залог.
 А чтобы удалиться я не мог,
 Алмазной цепью сердце мне свяжи,-
 Пусть не манят за этот вот порог
 Капризного Амура рубежи.
*Одно хочу: не будь жестокой впрядь
 И мне не дай до срока умереть.*

Sonnet 43

Shall I then silent be or shall I speak?
 And if I speak, her wrath renew I shall;
 And if I silent be, my heart will break,
 Or choked be with overflowing gall.
 What tyranny is this both my heart to thrall,
 And eke my tongue with proud restraint to tie?
 That neither I may speak nor think at all,
 But like a stupid stock in silence die.
 Yet I my heart with silence secretly
 Will teach to speak, and my just cause to plead:
 And eke mine eyes with meek humility,
 Love learned letters to her eyes to read.
*Which her deep wit, that true heart's thoughts can spell,
 Will soon conceive, and learn to construe well.*

Сонет 43

Молчать ли, говорить ли остаётся?
 Заговорю – её узнаю нрав,
 А если нет – то сердце разорвётся
 Иль истечёт горчайшей из отрав.
 Что за тиранство! Сердце отобрав,
 Меня лишит и языка живого, –
 И речь вести я не имею прав,
 И гибну, словно глупая корова.
 Но сердце обучу я, как без слова
 Мое святое дело защищать
 И речью глаз, моля тепла и крова,
 Её глазам слова любви читать.
*Умом глубоким разберёт она
 Смирнейшего сердца письма.*

Sonnet 44

When those renowned noble Peres of Greece
 Through stubborn pride amongst themselves did jar
 Forgetful of the famous golden fleece
 Then Orpheus with his harp their strife did bar.
 But this continual cruel civil war
 The which my self against my self do make:
 Whilst my weak powers of passions warreid are
 No skill can stint nor reason can aslake.
 But when in hand my tuneless harp I take,
 Then do I more augment my foes despight:
 And grief renew, and passions do awake
 To bataille, fresh against my self to fight.
*Mongst whom the more I seek to settle peace,
 The more I find their malice to increase.*

Сонет 44

Когда на грека ополчился грек,
 Забыв о славном золотом руне,
 Их распри арфою Орфей пресек,
 Спесь и гордыню подчинив струне.
 Но в этой изнурительной войне,
 Где я сражаюсь лишь с самим собой
 И где страстей осада тяжка мне,
 Не вижу я разрядки никакой;
 Ведь арфу взяв слабеющей рукой,
 Я добавляю в свой костёр огня,
 И снова скорбь, и страсти рвутся в бой,
 Чтоб новой пыткой истязать меня.
*Страстям моим бы мир, но на беду
 Я сею мир, а жну одну вражду.*

Sonnet 47

Trust not the treason of those smiling looks,
 Until ye have their guileful traynes well tried:
 For they are like but unto golden hooks,
 That from the foolish fish their baits do hide:
 So she with flattering smiles weak hearts doth guide
 Unto her love, and tempt to their decay,
 Whom being caught she kills with cruel pride,
 And feeds at pleasure on the wretched prey:
 Yet even whilst her bloody hands them slay,
 Her eyes look lovely and upon them smile
 That they take pleasure in her cruel play,
 And dying do them selves of pain beguile.
*O mighty charm which makes men love their bane,
 And think they die with pleasure, live with pain.*

Сонет 47

Не верь таким улыбчивым глазам,
 Коварство их не испытав сполна;
 Они подобны золотым крючкам,
 В которых лишь наживка и видна.
 Улыбкой льстивой заманит она
 Сердечко-рыбку в темный омут свой,
 И жертва жалкая обречена
 В руках её кровавых на убой.
 Но даже в миг убийства роковой
 Её глаза с улыбкою глядят:
 Мол, насладись жестокой сей игрой
 И без терзаний опускайся в ад.
*О, что за чар могучих круговерть,
 Когда с улыбкою встречают смерть.*

Sonnet 48

Innocent paper, whom too cruel hand
 Did make the matter to avenge her ire:
 And ere she could thy cause well understand,
 Did sacrifice unto the greedy fire.
 Well worthy thou to have found better hyre
 Than so bad end, for heretics ordain'd:
 Yet heresy nor treason didst conspire,
 But plead thy maister's cause unjustly payned.
 Whom she all careless of her grief constrained
 To utter forth the anguish of her heart:
 And would not hear, when he to her complained
 The piteous passion of her dying smart.
*Yet live for ever, though against her will,
 And speak for good, though she requite it ill.*

Сонет 48

Листок невинный, жертва зла и гнева,
 Увы, тебя жестокая рука
 Средь языков пылающего чрева
 В сердцах спалила, как еретика.
 Не ересь, нет! В тебе была тоска,
 Отстаиванье праведного дела
 Того, кто с кровью, бьющей у виска,
 Хотел сказать, как в сердце наболело;
 Но, не поняв печального удела,
 Лишь мысля сердца исповедь пресечь,
 Она тогда и слышать не хотела
 Безумной страсти жалобную речь.
*И все же, гневной воле вопреки,
 Живи, мольба поруганной строки.*

Sonnet 49

*Fair cruel, why are ye so fierce and cruel?
 Is it because your eyes have power to kill?
 Then know, that mercy is the mightiest jewel,
 And greater glory think to save than spill.
 But if it be your pleasure and proud will,
 To shew the power of your imperious eyes:
 Then not on him that never thought you ill,
 But bend your force against your enemies.
 Let them feel th'utmost of your cruelties,
 And kill with looks, as Cockatrices do,
 But him that at your footstool humbled lies,
 With merciful regard, give mercy too.
 Such mercy shall you make admired to be,
 So shall you live by giving life to me.*

Сонет 49

*Не потому ли так жестока ты,
 Что смерти сила у твоих очей?
 Так знай: волшебный камень доброты
 Всего на свете краше и сильней.
 Но если прихоть гордости твоей
 Вершить глазами властный самосуд,
 То друга истинного не убей;
 Пускай, верней пасленов и цикут,
 Твоих врагов твои глаза убьют, -
 Тому ж, кто от зари и до зари
 Так рад у ног твоих искать приют,
 Глазами милосердие дари.
 Плоди восторги, а не ад любви,
 И только так – давая жизнь – живи.*

Sonnet 50

*Long languishing in double malady,
 Of my heart's wound and of my body's grief,
 There came to me a leach that would apply
 Fit medicines for my body's best relief.
 Vain man (quod I) that hast but little priefe
 In deep discovery of the mind's disease,
 Is not the heart of all the body's chief?
 And rules the members as it self doth please.
 Then with some cordials seek first to appease
 The inward languor of my wounded heart,
 And then my body shall have shortly ease:
 But such sweet cordials pass physician's art,
 Then my life's Leach do you your skill reveal,
 And with one salve both heart and body heal.*

Сонет 50

*В двойном недуге дни свои влача,
 И сердца ран, и плотской хвори зритель,
 Я на пороге повстречал врача, -
 Телесного, мол, зелья не хотите ль?
 О, как же ты неопытен, целитель,
 В болезнях, где душе всего больней;
 Не сердце ли телесных сфер властитель,
 Вращая их по прихоти своей!
 Сначала в сердце мне бальзам пролей,
 Умерь его томленья и мытарство,
 Тогда и тело станет здоровей, -
 Но где врачам такое взять лекарство?
 Мой милый маг, моей всей жизни Врач,
 Мне снадобье сердечное назначь.*

Sonnet 51

Do I not see that fairest images
 Of hardest marble are of purpose made?
 For that they should endure through many ages,
 Ne let their famous monument to fade.
 Why then do I, untrained in lover's trade,
 Her hardness blame which I should more commend?
 Sith never ought was excellent assayed,
 Which was not hard t'achieve and bring to end.
 Ne ought so hard, but he that would attend,
 Mote soften it and to his will allure:
 So do I hope her stubborn heart to bend,
 And that it then more steadfast will endure.
*Only my pains will be the more to get her,
 But having her, my joy will be the greater.*

Сонет 51

Не мрамор ли, не твёрдый ли гранит,
 С которым билась скульптора рука,
 Прекраснейшие образы хранит
 Незыблемые долгие века!
 Так что же я, в любви профан пока,
 Корю её за твердость? Я не прав:
 Ведь всё, в конце достойное венка,
 Являлось, не одну твердыню взяв!
 И все смягчимо – самый твёрдый сплав
 Усердный мастер воле покорит, –
 Так я сломлю её упрямый нрав,
 Чтоб он надёжностью затмил гранит.
*Пусть обессилю по дороге к ней,
 Но с нею радость будет тем сильнее.*

Sonnet 52

So oft as homeward I from her depart,
 I go like one that having lost the field,
 As prisoner led away with heavy heart
 Despoiled of warlike arms and known shield.
 So do I now my self a prisoner yield
 To sorrow and to solitary pain
 From presence of my dearest dear exiled
 Longwhile alone in laguor to remain.
 There let no thought of joy or pleasure vain
 Dare to approach, that may my solace breed:
 But sudden dumps and dreary sad disdain
 Of all world's gladness more my torment feed.
*So I her absence will my penance make,
 That of her presence I my meed may take.*

Сонет 52

Как часто, покидая домик милой,
 Не с тем ли схож я, кто в бою разбит
 И пленником бредёт в тоске унылой,
 Доспехи бросив, бросив верный щит! –
 Так пусть, как плен, мне душу леденит
 Печаль о том, что ныне в отдаленье
 От девушки пленительней Харит,
 Я обречён на долгое томленье;
 Пусть даже мысль о бренном наслажденье
 Не смеет искусы шептать уму,
 И пусть к отраде мрачное презренье
 Наполнит сердца моего тюрьму.
*Яви, разлука, свой кромешный ад, –
 Свиданье будет лучшей из наград.*

Sonnet 53

The panther knowing that his spotted hide
 Doth please all beasts, but that his looks them fray,
 Within a bush his dreadful head doth hide
 To let them gaze whilst he on them may prey.
 Right so my cruel fair with me doth play,
 For with the goodly semblant of her hue
 She doth allure me to mine own decay,
 And then no mercy will unto me shew.
 Great shame it is, thing so divine in view,
 Made for to be the world's most ornament,
 To make the bait her gazers to embrew,
 Good shames to be to ill an instrument.
*But mercy doth with beauty best agree,
 As in their maker ye them best may see.*

Сонет 53

Пантера, зная, что на шкуре пятна
 Приятны всем, но взгляд вселяет страх,
 Таит от зверя то, что неприятно,
 Чтоб через миг держать его в когтях.
 От милой мне такой же будет крах:
 Дав убедиться, что она красива,
 Влечет меня на худшую из плах,
 И милосердьё катится с обрыва.
 О, стыд какой! Божественное диво,
 Что мать земля на радость создала,
 Наживкой сделать для игры спесивой! –
 Добро стыдится быть игрушкой зла.
*Лишь милосердьё красоте к лицу;
 Ища примеры, обратись к творцу.*

Sonnet 54

Of this world's theatre in which we stay,
 My love, like the spectator, idle sits,
 Beholding me, that all the pageants play,
 Disguising diversely my troubled wits.
 Sometimes I joy when glad occasion fits,
 And mask in mirth like to a comedy;
 Soon after, when my joy to sorrow flits,
 I wail, and make my woes a tragedy:
 Yet she beholding me with constant eye,
 Delights not in my mirth, nor rues my smart;
 But when I laugh she mocks; and when I cry
 She laughs, and hardens evermore her heart;
*What then can move her? if nor mirth nor moan,
 She is no woman, but a senseless stone.*

Сонет 54

В раскрашенном театре бытия
 Лишь зрителем любимая сидит
 И праздно смотрит, как любовь моя
 В тревогах лицедейств меняет вид.
 Порой смеюсь я, если что смешит,
 Комедианта налагаю грим;
 Но лёгким сном весёлость улетит –
 И трагик я, и болью я томим.
 Следя за настроением моим,
 То отпугнёт отрадный мой порыв,
 То слёзы смехом оскорбит пустым,
 Свое же сердце злом ожесточив.
*Когда и стоном тронуть не дано,
 Что женщина, что камень – все одно.*

Sonnet 55

So oft, when I her beauty do behold
 And therewith do her cruelty compare,
 I marvel of what substance was the mould
 The which her made attonce so cruel fair.
 Not earth; for her high thoughts more heavenly are;
 Not water; for her love doth burn like fire;
 Not air; for she is not so light or rare;
 Not fire; for she doth freeze with faint desire.
 Then needs another Element inquire
 Whereof she mote be made; that is the sky,
 For to the heaven her haughty looks aspire:
 And eke her mind is pure immortal high.
*Then sith to heaven ye likened are the best,
 Be like in mercy as in all the rest.*

Сонет 55

*Все чары видя лика твоего
 И их сравнив с повадкою жестокой,
 Даюсь я диву, что за вещество
 Сплело тебя, мой деспот синеокий!
 Не прах – он мыслью не согрет высокой;
 Не влага – ведь она огнём не жжёт;
 Не воздух – бледен он для алощёкой;
 И не огонь – но растопил бы лёд.
 Её стихия – вечный небосвод,
 Туда несётся взор её надменный,
 И дух её земные пути рвёт,
 Чтобы разлиться в чистоте нетленной.
 Но если небу ты во всём сродни,
 Небесную и милость сохрани.*

Sonnet 56

*Fair ye be sure, but cruel and unkind,
 As is a tiger that with greediness
 Hunts after blood, when he by chance doth find
 A feeble beast, doth felly him oppress.
 Fair be you sure, but proud and pitiless,
 As is a storm, that all things doth prostrate:
 Finding a tree alone all comfortless,
 Beats on it strongly it to ruinate.
 Fair be ye sure, but hard and obstinate
 As is a rock amidst the raging floods:
 Gainst which a ship of succour desolate,
 Doth suffer wreck both of her self and goods.
*That ship, that tree, and that same beast am I,
 Whom ye do wreck, do ruin, and destroy.**

Сонет 56

*Ты чудо красоты, – но беспощадна,
 Как тигр, который, тёплой кровью пьян,
 Терзает бьющегося зверя жадно
 И обагрят высохший бурьян;
 Ты чудо, – но грозна, как ураган,
 Что рвёт с корнями дерево и снова
 Гуляет смерчем средь нагих полян
 И жаждет дерева очередного;
 Ты чудо, – но безжалостно сурова,
 Как та скала коварная со дна,
 Что бьёт ладью средь бешенства морского
 И, сокрушив, все также холодна.
 Осознавать невесело, что я –
 Тот зверь, то дерево и та ладья.*

Sonnet 57

Sweet warrior, when shall I have peace with you?
 High time it is this war now ended were,
 Which I no longer can endure to sue,
 Ne your incessant battry more to bear:
 So weak my powers, so sore my wounds appear,
 That wonder is how I should live a jot,
 Seeing my heart through launched every where
 With thousand arrows which your eyes have shot:
 Yet shoot ye sharply still, and spare me not,
 But glory think to make these cruel stoures.
 Ye cruel one, what glory can be got
 In slaying him that would live gladly yours?
*Make peace therefore, and grant me timely grace,
 That all my wounds will heal in little space.*

Сонет 57

О милый воин, миром не пора ли
 Закончить этот бесконечный бой,
 Где сеешь ты руины и печали,
 А мне претит воинственный разбой.
 Я так изранен и избит тобой,
 Что диво мне, как я остался цел, –
 Ведь эти очи, гордые собой,
 Пронзили сердце тысячами стрел.
 И все меня берёшь ты на прицел
 И славу мнишь в баталии обрести;
 Но что за слава у кровавых дел
 И верного казнить какая честь?
*Не медли – мир со мною заключи
 И милосердно раны залечи.*

Sonnet 58

By her that is most assured to her self

Weak is th'assurance that weak flesh reposeth
 In her own power, and scorneth others' aid:
 That soonest falls when as she most supposeth
 Her self assured, and is of nought afraid.
 All flesh is frail, and all her strength unstaied,
 Like a vain bubble blown up with air:
 Devouring time and changeful chance have preyed
 Her glory's pride that none may it repair.
 Ne none so rich or wise, so strong or fair,
 But faileth trusting on his own assurance:
 And he that standeth on the highest stair
 Falls lowest: for on earth nought hath endurance.
*Why then do ye, proud fair, misdeem so far,
 That to your self ye most assured are.*

Сонет 58

Ттой, которая так уверена в себе

Слаба уверенность, где плоть одна
 Лишь на себя надеется беспечно, –
 Тщедушнее всего как раз она,
 В себе уверенная бесконечно.
 Да, бренна плоть, и сила в ней не вечна, –
 Пузырь пустой, надутый с пол часа;
 Любую славу упразднят навечно
 Каприз судьбы и времени коса;
 Богатство, мудрость, сила и краса
 В конечном счёте не надежней дыма,
 И тот, кто залетит под небеса,
 Падёт всех ниже: ибо всё сразимо.
*Так что же ты, наперекор судьбе,
 Так искренно уверена в себе!*

Sonnet 59

Thrice happy she, that is so well assured
 Unto her self and settled so in heart:
 That neither will for better be allured,
 Ne fear'd with worse to any chance to start:
 But like a steady ship doth strongly part
 The raging waves and keeps her course aright:
 Ne ought for tempest doth from it depart
 Ne ought for fairer weather's false delight.
 Such self-assurance need not fear the spite
 Of grudging foes, ne favour seek of friends:
 But in the stay of her own steadfast might,
 Neither to one her self nor other bends.
*Most happy she that most assured doth rest,
 But he most happy who such one loves best.*

Сонет 59

Счастливица, и где же ты сумела
 Уверенность такую почерпнуть,
 Что ни до лучшего тебе нет дела,
 Ни страх пред худшим не сжимает грудь?
 Так прочный бриг свой ровно держит путь,
 Громады пенных волн взрезая властно, -
 Его с прямого курса не свернуть,
 И ураган свирепствует напрасно.
 Уверенность такая безучастна
 И к злу врагов, и к милости друзей;
 И ты глядишь, спокойна и прекрасна,
 Не сломлена пред волею ничьей.
*Ты счастлива. Но лишь тебя любя
 И можно быть счастливее тебя.*

Sonnet 60

They that in course of heavenly spheres are skilled,
 To every planet point his sundry year:
 In which her circle's voyage is fulfil'd,
 As Mars in three score years doth run his sphere.
 So since the winged God his planet clear
 Began in me to move, one year is spent:
 The which doth longer unto me appear,
 Than all those forty which my life outwent.
 Then by that count, which lovers' looks invent,
 The sphere of Cupid forty years contains:
 Which I have wasted in long languishment,
 That seem'd the longer for my greater pains.
*But let my love's fair Planet short her ways
 This year ensuing, or else short my days.*

Сонет 60

Твердят нам сфер небесных знатоки:
 Любой планете срок определён, -
 Так чертит Марс трёхлетние витки,
 Блюдя ему предписанный закон.
 И с той поры, как вертит Купидон
 Во мне свою планету, целый год
 Уже прошёл, - длинней казался он,
 Чем сорока моих круговорот.
 Но взор влюбленных подправляет счёт:
 В орбите Купидона я найду
 Всех сорока томление и гнёт.
 Щадя меня, в очередном году,
*Любви планета, сокращай пути
 Иль дни мои земные сократи.*

Sonnet 61

The glorious image of the maker's beauty,
 My sovereign saint, the Idol of my thought,
 Dare not henceforth above the bounds of duty
 T'accuse of pride, or rashly blame for ought.
 For being as she is divinely wrought,
 And of the brood of Angels heavenly borne:
 And with the crew of blessed Saints upbrought,
 Each of which did her with their gifts adorn;
 The bud of joy, the blossom of the morn,
 The beam of light, whom mortal eyes admire:
 What reason is it then but she should scorn
 Base things, that to her love too bold aspire?
*Such heavenly foJms ought rather worship'd be,
 Than dare be lov'd by men of mean degree.*

Sonnet 62

The weary year his race now having run,
 The new begins his compast course anew:
 With shew of morning mild he hath begun,
 Betokening peace and plenty to ensew.
 So let us, with this change of weather view,
 Change eke our minds and formed lives amend,
 The old years' sins forepast let us eschew,
 And fly the faults with which we did offend.
 Then shall the new year's joy forth freshly send
 Into the glooming world his gladsome ray:
 And all these storms which now his beauty blend,
 Shall turn to calms and timely clear away.
*So likewise love cheer you your heavy spright,
 And change old year's annoy to new delight.*

Сонет 61

О дивный образ вечной благостыни,
 Моя святая, Идол дум моих!
 Не смеет красоту твою отныне
 Корить за гордость безрассудный стих
 Как ей, божественной среди земных,
 Рожденной всеблагими небесами,
 Воспитанной когортою Святых,
 Украшенной их чистыми дарами,
 Лучу зари пред смертными глазами,
 Бутону радости, подруге фей,
 Не презирать погрязших в низком хламе,
 Но дерзостно вздыхающих по ней?
*Нам на колени бы пред нею пасть,
 Чем ублажать свою земную страсть.*

Сонет 62

Сменив годину скорби, Новый год
 Уже стоит с улыбкой у руля.
 Погожим утром начал он поход,
 Покой и благоденствие суля.
 Так пусть и мы, как пленница земля,
 Былых тревог рассеивая дым,
 Всю ветошь прегрешений пепеля,
 И жизнь, и души наши обновим.
 Откинет радость, светлый херувим,
 Докучный гнёт оцепенелой тьмы,
 И снимет красота унылый грим,
 Навеянный буранами зимы.
*Любовь! Внимая трепету земли,
 Свой дух восторгом новым просветли.*

Sonnet 63

After long storms and tempests sad assay,
 Which hardly I endured heretofore,
 In dread of death and dangerous dismay,
 With which my silly bark was tossed sore,
 I do at length descry the happy shore,
 In which I hope ere long for to arrive;
 Fair soil it seems from far, and fraught with store
 Of all that dear and dainty is alive.
 Most happy he that can at last achieve
 The joyous safety of so sweet a rest,
 Whose least delight sufficeth to deprive
 Remembrance of all pains which him opprest.
*All pains are nothing in respect of this,
 All sorrows short that gain eternal bliss.*

Сонет 63

Изведав натиск бурь и непогод,
 Которых равных не припомню сам,
 В смертельном страхе, в смерче всех невзгод,
 Устав нестись по бешеным валам, –
 Спешу теперь я к тихим берегам,
 Где бухта Радость ждёт меня давно;
 Прекрасный мир предстал моим глазам,
 В котором светом всё напоено.
 Счастливец тот, кому вот так дано
 Достичь обетованных рубежей,
 Где радости малейшей суждено
 Развеять прах печалей и скорбей.
*Как все печали прахом не назвать,
 Когда под ними – рай и благодать!*

Sonnet 64

Coming to kiss her lips (such grace I found),
 Me seemed I smelt a garden of sweet flowers:
 That dainty odours from them threw around
 For damsels fit to deck their lovers' bowers.
 Her lips did smell like unto Gilliflowers,
 Her ruddy cheeks like unto Roses red,
 Her snowy brows like budded Bellamoures,
 Her lovely eyes like Pinks but newly spread,
 Her goodly bosom like a strawberry bed,
 Her neck like to a bunch of Cullambynes:
 Her breast like Lilies, ere their leaves be shed,
 Her nipples like young blossom'd Jessamines.
*Such fragrant flowers do give most odorous smell,
 But her sweet odour did them all excel.*

Сонет 64

Я целовал (дана мне милость эта),
 И мне казалось – я в саду весной
 Иль пью невольно запахи букета,
 Войдя к влюбленной девушке в покой.
 О боже! Губки пахли как левкой,
 А розы щек дышали розой дикой,
 Лоб белоснежный – сладкой резедой,
 Глаза – едва раскрывшейся гвоздикой,
 Овалы плеч – пунцовой клубникой,
 Изгибы шеи – словно розмарин,
 Волна груди – лилеей бледноликой,
 Соски – как свежий, молодой жасмин.
*Но всех садов и всех оранжерей
 Её благоухание нежней.*

Sonnet 65

The doubt which ye misdeem, fair love, is vain,
 That fondly fear to lose your liberty,
 When losing one, two liberties ye gain,
 And make him bond that bondage earst did fly.
 Sweet be the bonds, the which true love doth tie,
 Without constraint or dread of any ill:
 The gentle bird feels no captivity
 Within her cage, but sings and feeds her fill.
 There pride dare not approach, nor discord spill
 The league twixt them, that loyal love hath bound:
 But simple truth and mutual good will,
 Seeks with sweet peace to salve each other's wound:
*There faith doth fearless dwell in brasen tower,
 And spotless pleasure builds her sacred bower.*

Сонет 65

Тебя сомнение томит пустое,
 Свободу потерять терзает страх...
 Одну утрать – получишь больше вдвое
 И плен сочтешь за благо, а не крах.
 Как сладостно в любовных быть цепях,
 Без принуждения, без бед и боли.
 И клетка не тюрьма для нежных птах, –
 Поют они, не чувствуя неволи.
 И есть ли что-нибудь завидней доли,
 Чем узы душ, которым чужд разлад!
 Лишь правда и взаимность доброй воли
 О пламенной любви их говорят.
*Блаженство чистое нас озаряет там,
 Где вера строит свой священный храм.*

Sonnet 66

To all those happy blessings which you have
 With plenteous hand by heaven upon you thrown,
 This one disparagement they to you gave,
 That ye your love lent to so mean a one.
 Ye whose high worths surpassing paragon,
 Could not on earth have found one fit for mate,
 Ne but in heaven matchable to none,
 Why did you stoop unto so lowly state?
 But you thereby much greater glory gate,
 Than had you sorted with a prince's pere:
 For now your light doth more itself dilate,
 And in my darkness greater doth appear.
*Yet since your light hath once illumined me,
 With my reflex yours shall increased be.*

Сонет 66

Явив земле всю неба благодать,
 Таит изъян божественность твоя:
 Ведь ты смогла любовь свою отдать
 Такому заурядному, как я.
 Зачем же ты, царица бытия,
 Кому меж смертных равной не найти,
 Которой боги лишь годны в мужья,
 Так согласилась низко снизойти?
 Но ты сумеешь больше обрести,
 Чем обрела бы, принцу став женой;
 Теперь в мой дух как факелом свети,
 Свой блеск умножь, с моею споря тьмой.
*Ведь, если свет твой отражён во мне,
 Ты от меня засветишься вдвойне.*

Sonnet 67

Like to a huntsman after weary chase
 Seeing the game from him escaped away,
 Sits down to rest him in some shady place,
 With panting hounds beguiled of their prey:
 So after long pursuit and vain assay,
 When I all weary had the chase forsook,
 The gentle deer return'd the self-same way,
 Thinking to quench her thirst at the next brook.
 There she beholding me with milder look,
 Sought not to fly, but fearless still did bide:
 Till I in hand her yet half trembling took,
 And with her own goodwill her firmly tied.
*Strange thing me seemed to see a beast so wild
 So goodly won with her own will beguiled.*

Сонет 67

Как после изнурительной погони
 Охотник, видя дичь в кустах густых,
 Садится отдохнуть на мшистом лоне
 И гладит запыхавшихся борзых, –
 Так после бега и погонь пустых,
 Когда я чувств подавлен был разладом,
 Вернулась лань стезей погонь моих,
 Чтоб из ручья напиться тут же, рядом;
 И, одарив меня смиренным взглядом,
 Без трепета ждала меня у скал,
 А я её к себе, довольный ладом,
 Ее же доброй волей привязал.
*Но странно мне, что этот дикий зверь
 По доброй воле стал ручным теперь.*

Sonnet 68

Most glorious Lord of Life, that on this day
 Didst make thy triumph over death and sin,
 And, having harrowed hell, didst bring away
 Captivity thence captive us to win:
 This joyous day, dear Lord, with joy begin,
 And grant that we for whom thou diddest die
 Being with thy dear blood clean wash'd from sin,
 May live for ever in felicity.
 And that thy love we weighing worthily,
 May likewise love thee for the same again:
 And for thy sake that all like dear didst buy,
 With love may one another entertain.
*So let us love, dear love, like as we ought,
 Love is the lesson which the Lord us taught.*

Сонет 68

О Жизни светлый Бог, вот в этот день,
 Когда ты победил и смерть, и грех,
 И, ад презрев, отринув злую тень
 Пленённости, освободил нас всех,
 Пускай в сей день звенит веселья смех. –
 За нас ты умер, чтобы возродиться,
 Ты кровью смыл наш первородный грех,
 Так дай нам вечным счастьем озариться!
 Твоей любви должны мы все учиться,
 К тебе любовь питая вновь и вновь,
 Но, помня о тебе, должны стремиться
 Друг другу в дар нести одну любовь.
*Так будем же любить в смиренье строгом:
 Любовь – урок, преподанный нам Богом.*

Sonnet 69

The famous warriors of the antique world
 Used trophies to erect in stately wize
 In which they would the records have enrolled
 Of their great deeds and valorous emprise.
 What trophy then shall I most fit devise,
 In which I may record the memory
 Of my love's conquest, peerless beauty's prize
 Adorn'd with honour, love and chastity.
 Even this verse vow'd to eternity,
 Shall be thereof immortal monument:
 And tell her praise to all posterity,
 That may admire such world's rare wonderment.
*The happy purchase of my glorious spoil,
 Gotten at last with labour and long toil.*

Сонет 69

Прославленные воины былого
 Могли холмы трофеев воздвигать,
 Чтоб стало очевидно для любого,
 Чего добилаась доблестная рать.
 Каким же мне трофеем прославлять
 Моей любви победу, безупречность
 Всех чар её, пленительную стать,
 Любви её дремавшую сердечность?
 Вот этот стих мой, обращённый в вечность
 Достойным монументом станет ей
 И, побеждая жизни скоротечность,
 Вселит восторг в сердца других людей, –
*Восторг пред той, которую добыл
 Святым трудом восторженный мой пыл.*

Sonnet 70

Fresh spring, the herald of love's mighty king,
 In whose coat-armour richly are displayed
 All sorts of flowers the which on earth do spring
 In goodly colours gloriously arrayed,
 Go to my love, where she is careless laid,
 Yet in her winter's bower not well awake:
 Tell her the joyous time will not be staid
 Unless she do him by the forelock take.
 Bid her therefore her self soon ready make
 To wait on love amongst his lovely crew:
 Where every one that misseth then her make
 Shall be by him amearst with penance dew.
*Make haste therefore, sweet love, whilst it is prime,
 For none can call again the passed time.*

Сонет 70

О, вестница царя любви – Весна!
 Сняв с мира снеговую власяницу
 И разбросав у каждого окна
 Пылающую красками цветницу,
 Ступай к любимой в зимнюю светлицу,
 Где спит она беспечно до сих пор,
 Скажи, что счастья миг не покорится,
 Пока его не схватишь за вихор;
 Проси её готовить свой убор
 И ждать царя с его прелестной свитой,
 Иначе – да свершится приговор:
 Быть им наказанной и позабытой.
*Пока весна, спеши, моя любовь,
 Ведь дней ушедших не воротишь вновь.*

Sonnet 71

*I joy to see how in your drawn work
 Your self unto the Bee you do compare,
 And me unto the Spider that doth lurk
 In close await to catch her unaware.
 Right so your self were caught in cunning snare
 Of a dear foe, and thrall'd to his love:
 In whose straight bands ye now captiv'd are
 So firmly that you never may remove.
 But as your work is woven all above,
 With woodbine flowers and fragrant eglantine
 So sweet your prison you in time shall prove,
 With many dear delights bedeck'd fine.
 And all thenceforth eternal peace shall see,
 Between the Spider and the gentle Bee.*

Сонет 71

*Я радуюсь, на твой рисунок глядя,
 Где роль пчелы – тебе, мне – паука,
 Что притаился в сумрачной засаде,
 Чтобы пчелу схватить исподтишка.
 То – правда: в путях хитрого силка
 Тебя принудил милый враг смириться,
 И цепь страстей любовных так крепка,
 Что не найдёшь ты сил освободиться.
 Но, как альбома красочна страница,
 Вместив душистых эглантий ряд,
 Так станет сладостной твоя темница,
 Когда её восторги посетят.
 И будут мир, согласие и покой
 Меж науком и нежною пчелой.*

Sonnet 72

*Oft when my spirit doth spread her bolder wings,
 In mind to mount up to the purest sky:
 It down is weigh'd with thought of earthly things
 And clogg'd with burden of mortality;
 Where when that sovereign beauty it doth spy,
 Resembling heaven's glory in her light:
 Drawn with sweet pleasure's bait, it back doth fly,
 And unto heaven forgets her former flight.
 There my frail fancy fed with full delight,
 Doth bath in bliss and mantleth most at ease:
 Ne thinks of other heaven, but how it might
 Her heart's desire with most contentment please.
 Heart need not with none other happiness,
 But here on earth to have such heaven's bliss.*

Сонет 72

*Когда мой дух на дерзостных крылах,
 Вспарив, пронзает неба чистоту,
 Его земной отягощает прах,
 И бренность рубит крылья на лету.
 Но, созерцая чудо-красоту,
 Приманкой упоения влеком,
 Он снова в небеса зовет мечту
 И там о небе не грустит былом.
 Зачем влюбленному грустить о нём,
 Когда в купели трепетных отрад
 О небе не мечтает он ином,
 Чем светом наполнять любимой взгляд.
 Ведь есть одна на свете благодать:
 Блаженство неба на земле познать!*

Sonnet 73

Being my self captived here in care,
 My heart, whom none with servile bands can tie,
 But the fair tresses of your golden hair,
 Breaking his prison forth to you doth fly.
 Like as a bird that in one's hand doth spy
 Desired food, to it doth make his flight:
 Even so my heart, that wont on your fair eye
 To feed his fill, flies back unto your sight.
 Do you him take, and in your bosom bright
 Gently encage, that it may be your thrall:
 Perhaps he there may learn with rare delight,
 To sing your name and praises over all.
*That it hereafter may you not repent,
 Him lodging in your bosom to have lent.*

Сонет 73

Нет, не для сердца плен моих страстей!
 Оно, не покоряясь ничему,
 Лишь путам золотых твоих кудрей,
 К тебе летит, прорвав свою тюрьму.
 Как птаха метит на руку к тому,
 Кто корм желанный на перстах несёт,
 Так сердце мчится к взору твоему,
 Чтоб пить его благоуханный мёд.
 Так пусть оно в груди твоей живёт,
 В нежнейшей клетке дай ему жильё,
 Быть может, в ней оно скорей поймёт,
 Как славить имя светлое твоё.
*Поверь, ты не раскаешься, что тут,
 В своей груди, дала ему приют.*

Sonnet 74

Most happy letters fram'd by skilful trade,
 With which that happy name was first design'd,
 The which three times thrice happy hath me made,
 With gifts of body, fortune, and of mind.
 The first my being to me gave by kind,
 From mother's womb deriv'd by due descent;
 The second is my sovereign Queen most kind,
 That honour and large riches to me lent;
 The third my love, my life's last ornament,
 By whom my spirit out of dust was rais'd:
 To speak her praise and glory excellent,
 Of all alive most worthy to be prais'd.
*Ye three Elizabeths! for ever live,
 That three such graces did unto me give.*

Сонет 74

Блаженны буквы-звёздочки со дня,
 Когда смогли святое имя сплести,
 Что трижды осчастливило меня,
 Все дав, что можно на земле обрести.
 Одной обязан тем я, что я – есть,
 Что из её я появился чрева;
 Другая мне сокровища и честь
 Дала как истинная королева;
 А третья – светоч мой любовный, дева,
 Что душу мне из праха подняла,
 Чтобы на крыльях страстного напева
 Неслась над миром вечная хвала.
*Да сохранит судьба на много лет
 Дары и жизнь троих Елизавет!*

Sonnet 75

One day I wrote her name upon the strand,
 But came the waves and washed it away.
 Again I wrote it with a second hand,
 But came the tide, and made my pains his prey.
 Vain man, said she, that does in vain assay,
 A mortal thing so to immortalize,
 For I myself shall like to this decay,
 And eke my name be wiped likewise.
 Not so (quod I), let baser things devise
 To die in dust, but you shall live by fame.
 My verse your virtues rare shall eternize,
 And in the heaven write your glorious name.
*Where whenas death shall all the world subdue,
 Our love shall live, and later life renew.*

Сонет 75

Я это имя написал у моря,
 Но смыло имя пенистой волной;
 И снова написал его я вскоре, –
 И вновь размыл мои труды прибой.
 “Тщеславный тщится бременю рукой
 Так обессмертить смертное создание, –
 Она сказала, - я же прах земной,
 И имя обратится лишь в преданье”. –
 “О нет, лишь низменному увяданье, –
 Сказал я, – славой ты отторгнешь прах,
 Мой стих тебе дарует звёзд блистанье
 И имя начертает в небесах”. –
*Пускай века прекраснейшим из див
 Живет любовь, живущих пережив.*

Sonnet 76

Fair bosom fraught with virtues' richest treasure,
 The nest of love, the lodging of delight:
 The bower of bliss, the paradise of pleasure,
 The sacred harbour of that heavenly spright.
 How was I ravished with your lovely sight,
 And my frail thoughts too rashly led astray?
 Whiles diving deep through amorous insight
 On the sweet spoil of beauty they did prey.
 And twixt her paps like early fruit in May,
 Whose harvest seemed to hasten now apace:
 They loosely did their wanton wings display
 And there to rest themselves did boldly place.
*Sweet thoughts I envy your so happy rest,
 Which oft I wished, yet never was so blest.*

Сонет 76

Огрудь, таящая бесценный клад,
 Гнездо любви, приют восторгов рая,
 Обитель счастья, светлой неги сад,
 Души небесной гавань голубая!
 Как поощрял я, на тебя взирая,
 Любовных грёз ликующий разброд,
 Когда неслась их бешеная стая
 К добыче сладостной твоих красот,
 Где два соска, как ранний майский плод,
 С другим плодом повздоривший на лозе,
 Свершают свой капризнейший разлёт
 И почивают в горделивой позе.
*Завиден мне счастливый твой покой,
 Но мне не видеть благости такой.*

Sonnet 77

Was it a dream, or did I see it plain,
 A goodly table of pure ivory:
 All spread with juncats, fit to entertain
 The greatest Prince with pompous royalty.
 Mongst which there in a silver dish did lie
 Two golden apples of unvalued price:
 Far passing those which Hercules came by,
 Or those which Atalanta did entice.
 Exceeding sweet, yet void of sinful vice,
 That many sought yet none could ever taste,
 Sweet fruit of pleasure brought from paradise,
 By love himself, and in his golden plaste.
*Her breast that table was so richly spread,
 My thoughts the guests, which would thereon have fed.*

Сонет 77

Роскошный стол, весь из слоновой кости,
 Я видел въявь иль в грёзах голубых, –
 За ним могли б и царственные гости
 По-царски яств отведасть неземных;
 Два яблока лежали золотых
 На серебре, являя гордый вид,
 Прекрасней яблок, что в руках своих
 Геракл унёс из сада Гесперид.
 Порочный не вкушал и не вкусит,
 Меж помыслов греховных изнывая,
 Сладчайший плод, который был добыт
 Самой любовью в светлых кущах рая. –
*Таким столом любимой грудь была,
 Но лишь мечты сидели у стола.*

Sonnet 78

Lacking my love, I go from place to place
 Like a young fawn that late hath lost the hind,
 And seek each where, where last I saw her face,
 Whose image yet I carry fresh in mind.
 I seek the fields with her late footing signed,
 I seek her bower with her late presence deckt,
 Yet nor in field nor bower I her can find;
 Yet field and bower are full of her aspect.
 But when mine eyes I thereunto direct,
 They idly back return to me again,
 And when I hope to see their true object,
 I find my self but fed with fancies vain.
*Cease then, mine eyes, to seek her self to see
 And let my thoughts behold her self in me.*

Сонет 78

Любимой нет... Как молодой олень,
 Подругу потерявший, я брожу,
 Где лика милого витает тень,
 И этот лик я в памяти держу;
 По ею хоженным лугам хожу,
 Сижусь в беседке, где мы с ней сидели, –
 Увы, нигде её не нахожу,
 О, сколько тягости в одной неделе!
 Мой взор, направленный к заветной цели,
 Бессильно возвращается назад,
 И в этой бесконечной карусели
 Глаза мои томятся и болят.
*Глаза, оставьте поиски вовне;
 Мечта моя, ищи её во мне!*

Sonnet 79

Men call you fair, and you do credit it,
 For that your self ye daily such do see:
 But the true fair, that is the gentle wit,
 And virtuous mind, is much more praised of me.
 For all the rest, however fair it be,
 Shall turn to nought and lose that glorious hue:
 But only that is permanent and free
 From frail corruption, that doth flesh ensue
 That is true beauty: that doth argue you
 To be divine and born of heavenly seed:
 Derived from that fair Spirit, from whom all true
 And perfect beauty did at first proceed.
*He only fair, and what he fair hath made,
 All other fair like flowers untimely fade.*

Сонет 79

*Тебя красивой называют все,
 Ты веришь им – твоё не слепо око;
 Но честь отдам я истинной красе:
 Полёту дум и сердцу без упрёка;
 Всё прочее красиво лишь до срока,
 То – блески плоти, больше ничего,
 И только то, что вольно и высоко,
 Чему не тлеть, чьё вечно торжество,
 Есть Красота – свидетельство того,
 Что Дух, первоисточник совершенства,
 Тебя создал, земное божество,
 И даровал небесное блаженство.
 В его лишь чадах – истина красот,
 Всё остальное цветом отцветет.*

Sonnet 80

After so long a race as I have run
 Through Fairy-Land, which those Six Books compile,
 Give leave to rest me, being half fore-dun,
 And gather to my self new breath awhile,
 Then as a steed refreshed after toil,
 Out of my prison I will break anew,
 And stoutly will that second work assoil,
 With strong endeavour and attention due.
 Till then give leave to me in pleasant mew
 To sport my Muse, and sing my love's sweet praise,
 The contemplation of whose heavenly hue
 My spirit to an higher pitch will raise;
*But let her praises yet be low and mean,
 Fit for the hand-maid of the Faery Queene.*

Сонет 80

*Мне, пилигриму Сказочной страны,
 Создателю вот этих КНИГ ШЕСТИ,
 Дозволь побыть на лоне тишины
 И в ней дыхание перевести.
 Как конь, взбодренный отдыхом в пути,
 Из заточенья вырвусь я опять,
 Чтоб снова мог волшебный мир цвести,
 А я его прилежно воспевать.
 До той поры дай Музе поиграть,
 Дозволь хвалой ласкать любимой слух
 И созерцать святую благодать,
 Что до небес мой возвышает дух.
 Но скромн будь мой гимн хвалебный ей,
 Под стать служанке Королевы Фей.*

Sonnet 81

Fair is my love, when her fair golden hairs
 With the loose wind ye waving chance to mark,
 Fair when the rose in her red cheek appears,
 Or in her eyes the fire of love doth spark.
 Fair when her breast, like a rich laden bark
 With precious merchandize, she forth doth lay;
 Fair when that cloud of pride, which oft doth dark
 Her goodly light, with smiles she drives away.
 But fairest she, when so she doth display
 The gate with pearls and rubies richly dight,
 Through which her words so wise do make their way,
 To bear the message of her gentle spright.
*The rest be works of Nature's wonderment,
 But this the work of hearts' astonishment.*

Сонет 81

Она прекрасна в золоте волос,
 Чарунья алощекая моя,
 Когда зардеется румяней роз,
 В очах огонь любовный не тая;
 Когда улыбки яркая струя
 Смывает тёмной гордости налёт,
 И грудь её, как полная ладья
 С товаром драгоценнейшим, плывет.
 И все ж прекрасней, если отомкнет
 Врата, где перлов и рубинов ряд, —
 И мудрых слов теснится хоровод.
 В котором духи сердца говорят.
*Пусть всё иное – чудо Естества,
 Его затмят чудесные слова.*

Sonnet 82

Joy of my life, full oft for loving you
 I bless my lot that was so lucky placed:
 But then the more your own mishap I rue
 That are so much by so mean love embased.
 For had the equal heavens so much you graced
 In this as in the rest, ye mote invent
 Some heavenly wit, whose verse could have enchased
 Your glorious name in golden monument.
 But since ye deigned so goodly to relent
 In me your thrall, in whom is little worth,
 That little that I am, shall all be spent
 In setting your immortal praises forth.
*Whose lofty argument uplifting me,
 Shall lift you up unto an high degree.*

Сонет 82

Отрада дней моих, как часто я
 Благословляю мой союз с тобой,
 Но тем прискорбней доля мне твоя,
 Униженная страстью столь земною.
 Когда б небесной волей всеблагою
 Одарена и в этом ты была,
 Иным стихом, ограненным не мною,
 Ты, может быть, прославиться б смогла
 Но если мне ты сердце отдала,
 Всего себя, хоть я и значу мало,
 Отдам, чтобы любовная хвала
 И после нас в сердцах людей звучала;
*И, возвышая дух звенящий мой,
 Она возвысит и тебя со мной.*

Sonnet 85

Venomous tongue, tipp'd with vile adder's sting
 Of that self kind with which the Furies fell
 Their snaky heads do combe, from which a spring
 Of poison'd words and spiteful speeches well.
 Let all the plagues and horrid pains of hell
 Upon thee fall for thine accursed hire:
 That with false forged lies, which thou didst tell,
 In my true love did stir up coils of ire,
 The sparkles thereof let kindle thine own fire,
 And catching hold on thine own wicked head
 Consume thee quite, that didst with guile conspire
 In my sweet peace such breaches to have bred.
*Shame be thy meed, and mischief thy reward,
 Due to thy self that it for me prepared.*

Сонет 85

Язык змеи с поганым остриём,
 Которым яро фурии язвят,
 Излив из пасти бешеным ручьём
 Шипящих слов и злобной речи яд!
 Пусть все бичи и все, чем страшен ад,
 Тебя казнят за мерзкие дела,
 За то, что ложью ты раздуть был рад
 В любимой угли ярости и зла.
 Пусть искры их спалят тебя дотла,
 Тебя – с твоей бессовестной душой,
 Тебя, сумевшего из-за угла
 Пробить такую брешью мой покой.
*Пускай твоей наградой будет срам, –
 Пожни всё то, что мне готовил сам.*

Sonnet 86

Since I did leave the presence of my love,
 Many long weary days I have outworn:
 And many nights, that slowly seemed to move
 Their sad protract from evening until morn.
 For when as day the heaven doth adorn,
 I wish that night the noyous day would end:
 And when as night hath us of light forlorn,
 I wish that day would shortly reascend.
 Thus I the time with expectation spend,
 And faine my grief with changes to beguile,
 That further seems his term still to extend
 And maketh every minute seem a mile.
*So sorrow still doth seem too long to last,
 But joyous hours do fly away too fast.*

Сонет 86

С тех пор, как рядом нет любви моей,
 Пустые дни во мне рождают стон,
 И вереница тягостных ночей
 Пытает душу, похищая сон;
 Едва лишь день украсит небосклон,
 Я ночь зову, кляня истому дня,
 Но только ночь возьмёт меня в полон,
 Молю о дне, лихую ночь кляня.
 Так, время ненавистное гоня,
 Его пытаюсь сменой обмануть,
 Но тем коварней скорбь томит меня,
 И милей кажется минутный путь.
*Печаль не скоро оставляет нас,
 Но скоро тает наслажденья час.*

Sonnet 87

Since I have lacked the comfort of that light,
 The which was wont to lead my thoughts astray:
 I wander as in darkness of the night,
 Afraid of every danger's least dismay.
 Ne ought I see, though in the clearest day,
 When others gaze upon their shadows vain:
 But th'only image of that heavenly ray,
 Whereof some glance doth in mine eye remain.
 Of which beholding the Idea plain
 Through contemplation of my purest part:
 With light thereof I do my self sustain,
 And thereon feed my love-affamished heart.
*But with such brightness whylest I fill my mind,
 I starve my body and mine eyes do blind.*

Сонет 87

Утратив свет, мне несший наслажденье,
 Судьбу свою злосчастную кляня,
 Брожу я, как ночное привиденье,
 И страх малейший леденит меня.
 Не вижу я ни зги средь бела дня
 В унынии, в жестоком дум раздоре,
 Лишь образы небесного огня –
 Её огня – в моём трепещут взоре;
 Едва затмятся, чтобы вспыхнуть вскоре,
 В чистейшей части духа воссиять, –
 Я светом тем смягчать пытаюсь горе,
 Любовный голод сердца утолять.
*Но, яркостью пронзив душевный склеп,
 Я снова голоден и снова слеп.*

Sonnet 88

Like as the culver on the bared bough
 Sits mourning for the absence of her mate
 And in her songs sends many a wishful vow
 For his return that seems to linger late,
 So I alone now left disconsolate,
 Mourn to my self the absence of my love:
 And wandering here and there all desolate,
 Seek with my plaints to match that mournful dove:
 Ne joy of ought that under heaven doth hove
 Can comfort me, but her own joyous sight:
 Whose sweet aspect both God and man can move
 In her unspotted pleasants to delight.
*Dark is my day, while her fair light I miss,
 And dead my life that wants such lively bliss.*

Сонет 88

Как на безлистой ветке голубица
 Тоскует о любимом голубке
 И песней умоляет возвратиться,
 Призыв души услышать вдалеке, –
 Так я один, в унылом уголке
 Скорблю о той, которой нет со мною,
 И, уступая гложущей тоске,
 Стенаю голубицею лесною.
 И ни единой радостью земною
 Не увлекусь, – её лишь нежный вид,
 Сияющий небесной чистотою,
 И смертного, и бога вдохновит.
*Но темён день, её лишенный света,
 И без неё – как в саван жизнь одета.*

ПРИМЕЧАНИЯ

1 – **Геликон** - гора, на которой находился священный источник **Иппокрена**, рождённый ударом копыта **Пегаса**. По поверьям древних греков, вода этого источника обладала способностью вдохновлять поэтов, побуждать их к поэтическому творчеству.

2 - Данный сонет представляет собой особый психологический интерес тем, что ставит "водораздел" между былыми любовными увлечениями поэта и тем глубоким чувством, которое он испытывает сейчас. Если до сих пор любовь приносила одни лишь страдания и одиночество (*inward bale of my love pined heart*), будучи безответной и тяжкой, то грядущее может принести благой исход, и это поэт предчувствует. Вся сила человеческого духа, все его святое беспокойство, вся страстность любви призываются к тому, чтобы в итоге возникло счастье - или же (в противном случае) все обернулось трагическим итогом, полным исчезновением и духа, и самого человека. В этом бескомпромиссном, "критическом" настроении поэт возлагает надежды на то, что поэзия, т. е. высшее проявление беспокойного духа человеческого, может выступить своего рода помощником, "заступником" человека, "ходатаем" перед любимой (строки 9-12) и, вместе с тем, спасением от боли (строки 7-8), проявившимся, наконец, во всю мощь конгломератом всего прекрасного в человеке. Последнее, кстати, само по себе великолепно, и истинная любовь выступает мощным стимулятором и генератором красоты. Весь этот сонет есть своеобразный призыв к полному *самовыражению в поэзии*, к освобождению всего внутреннего мира перед лицом подлинной любви и одновременно - *страстный призыв к любимой...* Показательно и крайне важно то, что именно этот сонет стоит фактически на старте всего цикла "Любовные послания" (первый сонет можно воспринимать как простое посвящение любимой). Надо сказать, что при всех перипетиях цикла данный сонет оказался пророческим в мажорном смысле, ибо в жизни самого Спенсера наступило полное счастье любви, и Элизабет Бойл стала женой поэта (это произошло примерно спустя 18 месяцев после знакомства).

28 - **Феб** (греч. "блистающий") = **Аполлон** (бог Солнца). **Дафна** (греч. "нимфа") - дочь фессалийского речного бога **Пенея**. Преследуемая влюбленным **Аполлоном**, **Дафна** взмолилась о помощи к богам и была превращена в лавр (по-гречески "дафна" - лавр - священное дерево Аполлона...).

33 - "**Королева фей**" - крупная поэма Э. Спенсера (из шести книг), в которой изображается фантастический мир средневекового рыцарства. Королева Елизавета I выведена в этой поэме в аллегорическом образе **Глорианы**.

Обращает на себя тонкий юмор поэта, "просвечивающий" через тему вполне серьезную.

34 - Гелика - в древнегреческой мифологии аркадянка, дочь Ликаона, возлюбленная **Зевса**, превращенная ревнивой **Герой** в медведицу. Зевс поместил Гелику на небо в виде созвездия Большой Медведицы. Одна из звёзд этого Созвездия - Полярная звезда - всегда указывает на север и потому, до изобретения компаса, служила морякам ориентиром для определения курса.

38 - Арион - греческий поэт и музыкант (VII - VI век до нашей эры), с которым связана следующая легенда: во время путешествия Ариона на корабле моряки задумали убить и ограбить его. Арион просил у убийц разрешения спеть в последний раз и, спев, бросился в море. Зачарованный пением Ариона дельфин вынес его на берег (вариант: дельфина послал для спасения певца **Аполлон** или сам Аполлон принял вид дельфина). Легенда вдохновила многих поэтов и художников (в том числе Пушкина - стихотворение "Арион").

48 - Этот сонет является реакцией поэта на факт сожжения какого-то другого сонета (вероятнее всего, предыдущего 47), который вызвал в любимой Спенсера аффект негодования или просто недовольство. Спенсер, однако, сохранил копию 47 сонета и включил его в цикл.

59 - Обратим внимание на удивительный поворот этической и поэтической мысли в последних двух строках сонета.

74 - Когда английская королева Елизавета I прочитала поэму Э. Спенсера "Королева фей", она назначила автору пенсию в 50 фунтов в год.

77 - Один из подвигов **Геракла**, когда он находился на службе у микенского царя Еврисфея - добыча золотых яблок из сада **Гесперид**. Геспериды - дочери **Атланта**, живущие в сказочном саду, где росла яблоня, приносящая золотые плоды (подарок **Геи Зевсу** и **Геру** в день их свадьбы). Похищение яблок из сада Гесперид было трудным подвигом, ибо сад охранялся стоглавым драконом.

80 - Сонет адресован английской королеве Елизавете I. Устав от городской жизни и разочаровавшись в ней, поэт просит отпустить его в сельское уединение к его возлюбленной. Сонет написан примерно в 1590-91 гг. — Строка 1: "**Сказочная страна**" ("Faery Land"). Действие большой эпической поэмы Э. Спенсера "Королева фей" происходит в легендарной стране фей, и состоит эта поэма из 6 книг. В поэме описывается фантастический мир средневекового рыцарства. В ней, кстати, королева Елизавета выведена в аллегорическом образе Глорианы. Прямое указание на это мы находим в последних 2-х строках данного сонета.

85 - Спенсер в этом сонете выразил свое крайнее презрение к неизвестному нам человеку, который ложью и клеветой пробудил в любимой поэта эмоции гнева, что вызвало временную размолвку и разлуку любящих. Этот сонет, а также три дальнейших сонета, завершающих цикл "Amoretti", написаны в весьма минорном ключе. В них господствует едва сдерживаемая нота отчаяния и душевной растерянности. И лишь цикл "Epithalamion" ("Свадебные песни") смыкает это оцепенение интонациями высшего торжества, бесконечной радости восторжествовавшей любви.

ANNOTATIONS

1 - Mount **Helicon**, upon which there was the sacred brook **Hippocrene** attributed to the stamp of the horse **Pegasus**. The ancient Greeks believed that the water of this brook had a miraculous power to inspire poets, to induce them to poetic work.

2 - This sonnet presents a special psychological interest because it marks a "watershed" between the former infatuations of the poet and the profound feeling, which he experiences at present. While up to now love brought but sufferings and loneliness ("inward bale of my love pined heart") being unrequited and distressing, the future may bring a favourable outcome, and the poet has a presentiment that this will happen. All the power of human spirit, all its sacred unquiet, all the ardour of love are called to help in the final triumph of happiness, or (in the opposite case) everything would turn to a tragic end with full disappearance of both the spirit and man himself. In this uncompromising, "critical" mood, the poet sets his hopes on poetry which, being a supreme manifestation of the unquiet human spirit, may come forward as a sort of assistant, "intercessor" of man, his solicitor before the woman he loves (lines 9-12), and at the same time salvation from pain (lines 7-8), the mightiest conglomeration (at last becoming manifest) of everything beautiful in man. The latter, by the way, is splendid in itself, and the genuine love becomes a powerful stimulator and generator of beauty. The sonnet as a whole is some sort of call for the complete *self-expression in poetry*, for the liberation of all the inner world of the loving man, and, simultaneously, a *passionate* appeal to woman... It is significant and extremely important that precisely this sonnet is placed factually at the start of the whole cycle of the "Love Messages" (the first sonnet may be regarded as a simple dedication to the beloved woman). It should be said that, for all the peripetia of the cycle, this sonnet proved to be prophetic in the positive sense because full happiness of love triumphed in the life of Spenser himself, and Elizabeth Boyle became the poet's wife (it happened approximately 18

months after their acquaintance).

28 - Phoebus ("bright one") = **Apollo** (a sun god). **Daphne** was the daughter of the river god **Peneius** in Thessaly. Pursued by Apollo who fell in love with her, Daphne prayed fervently to the river-god to save her, and was at once rooted to the spot and changed to a laurel tree (in the Greek language "daphne" means "laurel", the sacred tree of Apollo).

33 - The Faery Queene", a large poem by E. Spenser (in six books) in which the fantastic world of medieval knighthood is depicted. The queen Elizabeth I appears here in the allegorical image of **Gloriana**.

34 - Helice, in the Greek mythology **Callisto** (a nymph), a daughter of the Arcadian king **Lycaon**; she was one of **Zeus'** infatuations and was turned into a she-bear by the jealous **Hera**. Zeus placed Helice into the sky as the Great Bear Constellation (Ursa Major). One of the stars of this constellation – the North Star (Pole Star) – always points to the North and, before the invention of the compass served as an orientation for sailors to determine the course.

38 - Arion, the Greek poet and musician (VII-VI centuries B.C.) with whom the following legend is connected: once, during Arion's voyage on board a ship, the sailors got the intention to kill and rob him. Arion asked, as a final favour, to sing for the last time. Having sung a hymn to Apollo, he threw himself into the sea whereupon a dolphin, enchanted with his playing, carried him to the shore (according to another version, the dolphin was sent by Apollo to rescue the singer, or Apollo himself assumed the image of a dolphin). The legend inspired many poets and artists (including A. Pushkin in his poem "Arion").

48 - The sonnet is the poet's reaction to the fact of burning of another sonnet (most probably of the previous one - № 47) which evoked a fit of indignation or simply displeasure in Spenser's beloved woman. However, Spenser preserved a copy of the sonnet № 47 and included it into the cycle.

59 - It is interesting to note a wonderful turn of ethical and poetical thought in the last two lines of the sonnet.

74 - When the English queen Elizabeth I read Spenser's poem, she granted to the author a pension of 50 pounds a year.

77 - One of the Twelve Labours of **Heracles** when he was at the service of Eurystheus (king of Mycenae) is the getting of the Golden Apples of the **Hesperides**. The Hesperides were the daughters of Atlas and lived in a fairy garden with an apple-tree which bore golden fruit (a present by **Gaia** to Hera and Zeus on the day of their wedding). The stealing of the apples from the garden of the Hesperides was a difficult labour because the serpent Ladon (said to have a hundred heads) guarded them.

80 – The sonnet is addressed to the English queen Elizabeth the First. Being tired of his life in the city and being disappointed with it, the poet implores the queen to let him retire to the countryside and live with his beloved girl. The sonnet was written in 1590 or 1591. — **Line 1:** "The Faery Queene". The events of the large Spenser's poem with this name are taking place in a legendary country of fairies, and the poem consists of six books. The poem represents the fantastic world of medieval knighthood. In that poem, as it was mentioned above, the queen is portrayed in the allegorical image of Gloriana. A direct allusion to it we find in the last two lines of this sonnet.

85 – In this sonnet Spenser expressed his extreme contempt for an unknown man who by lies and slander evoked emotions of wrath in the poet's beloved what caused a temporary disagreement and separation of them. This sonnet and also the further three sonnets which complete the cycle, are written in rather a melancholy timbre. A note of despair and mental confusion reigning in them is restrained with great difficulty. And only the cycle "Epithalamion" ("Wedding Songs") washes away this stupor by intonations of supreme exultation and boundless joy of triumphant love.

НЕКОТОРЫЕ ТЕРМИНЫ ИЗ СПЕНСЕРОВСКОГО СЛОВАРЯ

SOME TERM FROM SPENSERIAN VOCABULARY

Sonnet 2	Sithens	since
Sonnet 5	Sdeigne	disdain
Sonnet 7	Lowre	lour
Sonnet 11	Fell	cruel
Sonnet 27, 29	Sith	since
Sonnet 31	Scath	harm, damage, injury, loss
	Embrew	plunge, stain
Sonnet 32	Anduyle	anvil
Sonnet 33	Dread	object of reverence, attention
	Aread	advise, direct, decide
	Mote	might
Sonnet 36	Shewed	showed
Sonnet 37	Fondness	folly
Sonnet 42	Acquit	free

Sonnet 43	Eke	also
Sonnet 45	Shew	sing, trace
	Visnomy	visage, countenance
Sonnet 47	Traynes	allurements
Sonnet 48	Payned	punished
	Requite	pay back, revenge, salute in return
Sonnet 50	Leach	doctor
	Priefe	experience, test, trial, proof, proved or tested power
	Salve	remedy, save
Sonnet 53	Hue	form, shape
	Embrew	plunge, stain with blood
Sonnet 56	Felly	cruelly, fiercely
Sonnet 57	Stoures	tumult, disturbance, conflict, peril, crisis, paroxism
Sonnet 58	Unstaid	unsteady
Sonnet 62	Compast	round, circular
	Eke	also
	Forepast	past, former, bygone
Sonnet 70	Staid	constant, fixed
	Make	company, mate
	Ameerst	punished, amerced
	Dew	due
Sonnet 76	Spright	spirit
	Fraught	filled
	Apace	copiously
Sonnet 77	Juncats	sweetments, delicacies
Sonnet 79	Ensue	follow, pursue, result from
	Argue	state, prove, testify
Sonnet 84	Mauis	thrush
Sonnet 86	Noyous	troublesome, harmful, noxious
	Faine	imagine wrongly, fain, pretend, mistake
Sonnet 88	Culver	dove
	Hove	rise
	Pleasants	courtesy, joy, pleasing behavior, pleasure, enjoyment, delightful things

ОБ АВТОРЕ ПЕРЕВОДОВ

Александр Вячеславович Покидов овладел английским языком как вторым родным языком уже в возрасте 4-х лет благодаря семейным традициям. Способствовал этому тот факт, что семья происходит из хорошо образованных польских дворян, депортированных в Россию после разгрома польского национально-освободительного восстания 1830 года. Острый интерес к культуре английского народа был также важным фактором в развитии склонности к изучению творчества выдающихся английских поэтов XVI-XIX столетий.

Ещё во время получения высшего гуманитарного и лингвистического образования в МГУ им. М.В. Ломоносова на филологическом факультете (западное отделение) у автора наметились два предпочтительных направления в переводческой деятельности:

- английская поэзия от Эдмунда Спенсера и других поэтов-елизаветинцев до Джона Китса и его современников;
- русская романтическая поэзия XIX века от Ф. И. Тютчева до А. А. Фета.

Серьёзную роль в этом деле сыграло знакомство с трудами Владимира Набокова, рекомендации и помощь таких замечательных университетских педагогов, как Р. М. Самарин, В. В. Ивашёва, Э. М. Медникова и др. Стоит особо выделить влияние личности и переводческого искусства великого мастера XX века – Михаила Леонидовича Лозинского, который помогал становлению А. Покидова как поэта и переводчика.

По окончании МГУ с одобрения и поддержки своих университетских педагогов А. Покидов встал на стезю профессионального поэта-переводчика, начав с переводов из Байрона и Китса.

Переводческая деятельность, начавшись со школьной скамьи, продолжается по настоящее время.

Многочисленные подборки переводов А. Покидова стали появляться в периодической печати с конца 60-х годов.

В 70-е годы был сделан перевод 88 сонетов цикла “Amoretti” елизаветинца Эдмунда Спенсера (1552-1599), он был опубликован (bi-lingua) в 2001 году. В 2003 году к 200-летию со дня рождения Ф. И. Тютчева вышла книга «Восемьдесят звёзд из галактики Тютчева».

В 2005 году издательство “Летний сад” опубликовало в параллельных

текстах первый том переводов творений Джона Китса (1795-1821), куда вошли все сонеты и почти все оды этого блистательного поэта.

В 2006 году увидели свет переводы 159 творений великого ирландского барда Томаса Мура (1779-1852).

Все эти издания снабжены авторскими фундаментальными исследованиями и примечаниями, которые во многих случаях дают принципиально новую интерпретацию творчества поэтов и новую оценку их значения в истории мировой духовной культуры.

Экземпляры всех вышедших томов получили библиотеки крупных университетов России, Англии, США, Индии.

В 2008 году 26 переводов А. Покидова были опубликованы в 3-томнике, который включает переводы стихотворений Ф. И. Тютчева на многие европейские языки.

Прекрасным аккомпанементом к этим публикациям послужила серия радио- и ТВ-передач. Так, в декабре 2003 года на Радио России Л. В. Борзяк, ведущая программы «Диалоги о культуре», провела передачу в связи с выходом тома переводов Ф. И. Тютчева. 20 апреля 2004 года на этом же канале в прямом эфире состоялась передача по поводу выхода тома переводов сонетов Э. Спенсера. 18 июня 2005 года на «Радио София» была организована встреча с С. Юровым, поводом для которой послужил выход тома переводов Дж. Китса и где в течение часа в прямом эфире обсуждались проблемы поэтического перевода. В июле 2008 года радиостанция «Голос России» пригласила А. Покидова на передачу по поводу его творческой деятельности, в частности, о переводах детских сказок и стихов В. Маяковского, А. Барто, С. Михалкова, Т. Боковой.

В июле 2009 года на телеканале «Культура» состоялась передача «Худсовет», посвящённая переводческой работе А. Покидова.

В 2006 году автор заручился благосклонным вниманием бывшего посла Великобритании в России сэра Энтони Brentона, который вышел с инициативой написать для будущих изданий вступительную статью с аттестацией значения и характера его переводческой работы.

В 2007 году положительную оценку своего труда А. Покидов получил от Её Величества Королевы Великобритании Елизаветы II, которой ко дню рождения был отослан том переводов из Ф. И. Тютчева.

В 2012 году началась тесная работа с Фондом «Русский мир», возглавляемый Вячеславом Никоновым. На Интернет-радио «Русский мир» в серии «Лирическая Россия» появляются передачи, в которых автор дуэтом с Ириной Сушковой рассказывает о персонажах серии и читает переводы.

Телефон для контакта в Москве:

8 (495) 954-20-97

Адрес электронной почты:

sushkova08@rambler.ru

ABOUT THE AUTHOR OF TRANSLATIONS

Alexander Vyacheslavovich Pokidov, due to family traditions, mastered English besides Russian (when he reached the age of 4, English became his second home tongue). Contributing to it was the fact that the family took its origin from highly educated Polish gentry, deported to Russia after the defeat of the Polish insurrection of 1830. The acute interest in the culture of the English people was also an important factor for the development of a strong propensity of studying the prominent English poets-romanticists of the 16-19th centuries.

A. Pokidov received higher education at the Philological Faculty (Western Department) of Moscow University, and during this time two preferable lines of translation were marked:

- the English poetry from Edmund Spenser and other poets-Elizabethans (16th century) to John Keats and his contemporaries;
- the Russian romantic poetry of the 19th century (from F. I. Tyutchev to A. A. Fet).

A serious role in this respect has been played by the acquaintance with the work of Vladimir Nabokov, the aid of such remarkable University teachers as R. M. Samarin, V. V. Ivashova, E. M. Mednikova etc., as well as the personality and the practical aid of the outstanding translator Mikhail Leonidovich Lozinsky.

Poetic translations began at school, and this work was continued all through the University course and never stopped up to now.

Numerous selections of Pokidov's translations appeared in periodicals starting from the end of the 60ies.

In 2001, the publishing house "Grail" did a fine work of issuing the book of translations of the 88-sonnet cycle "Amoretti" (1596) by Edmund Spenser (bi-lingua), and in two years, in 2003, the same publishing house issued a book of 80 poems by F. I. Tyutchev ("80 Stars from Tyutchev's Galaxy") in parallel texts.

In 2005, the Publishing House "Letny Sad" in Moscow issued the 1st volume of John Keats (translations of all his sonnets and odes).

In 2006, a new volume appeared containing 159 translations from the Irish bard Thomas Moore ("The Irish Bard of Love and Freedom").

All the mentioned books are supplied with fundamental introductory articles and notes, which in many cases give a basically new approach to the creative activity of the poets and new appreciation of them in the history of world spiritual culture.

Copies of all these volumes were received by the libraries of major universities of Russia, England, USA and India.

In 2008, 26 translations by A. Pokidov from F. I. Tyutchev were published in the 3-volume edition of Tyutchev's poems translated into many European languages.

A splendid accompaniment to these publications has been served by a series of radio broadcasts and telecasts. So, in December of 2003 L. V. Borzyak, the leading figure of the program "Dialogues about Culture", conducted a broadcast on "Radio

Russia” in connection with the publication of a volume of translations from Tyutchev’s poetry into English. On the 20th of April, 2004, the same channel realized over the open ether a broadcast on the issuance of a volume of translations of E. Spenser’s sonnets. On the 18th June of 2005, through the channel of “Radio Sophia” a meeting with S. Yurov was organized prompted by the issuance of a volume of translations from John Keats, during which for more than an hour were discussed the problems of poetic translations. In June of 2008, the radio station “The Voice of Russia” invited A. Pokidov to the broadcast concerning his activity in the sphere of translations, in particular about his translations of fairy tales and verses by V. Mayakovsky, A. Bartó, S. Mikhalkov, T. Bokova.

In June of 2009, through the TV-channel “Culture” there was realized a broadcast “Khudsovet” dedicated to A. Pokidov’s activity in the translations sphere.

In 2006, the author enlisted the support and the benevolent attention of the former Ambassador of Great Britain in Russia sir Anthony Brenton who uttered a wish to write an introductory article to the future publications with the attestation of the importance and character of his work as a translator.

In 2007, A. Pokidov received a positive appreciation of his work from Her Majesty The Queen of Britain Elizabeth II to whom the volume of translations from F. I. Tyutchev had been sent.

In 2012, close work began with the Fund “Russian World”, headed by Vyacheslav Nikonov. Appearing on the Internet-radio “Russian World” in the series “Lyric Russia” broadcasts are given during which the author relates in a duet with Irina Sushkova, about the personages from series, and read aloud the translations (with the originals).

Contact in Moscow: + 7 (495) 954-20-97 *Irina Sushkova*

E-mail: sushkova08@rambler.ru

Оглавление

1. Вступление. «Серебряная труба английского возрождения».
2. Вступление на английском языке.
3. Сонеты с 1-го по 88-й на русском и английском языках.
4. Примечания на русском языке.
5. Примечания на английском языке.
6. Некоторые термины из спенсеровского словаря.
7. Некоторые термины (на английском языке).
8. Об авторе.